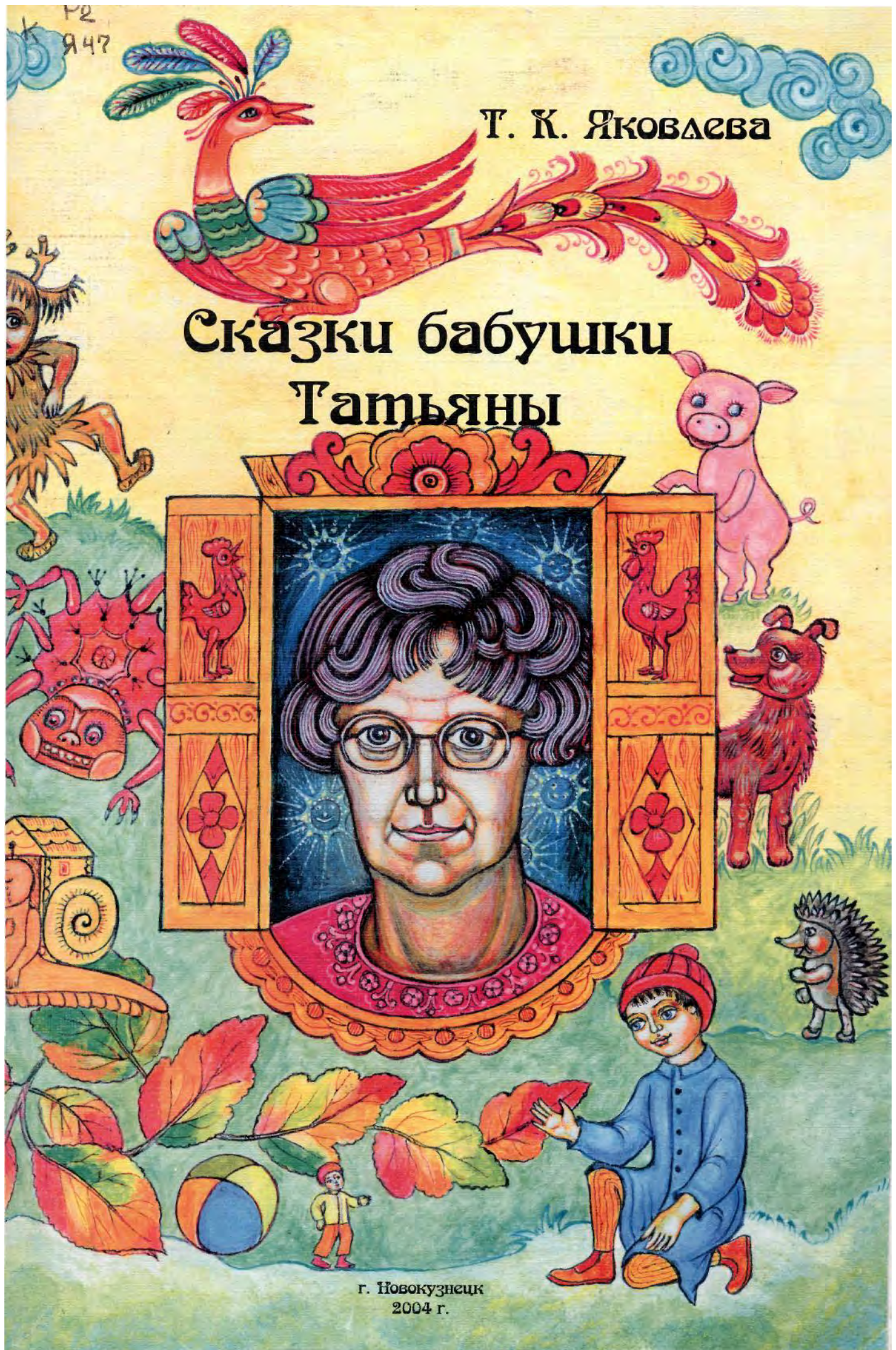

Р2
К Я47

Т. К. ЯКОВАЛЕВА

Сказки бабушки Татьяны

г. Новокузнецк
2004 г.

08

Т.К. ЯКОВАЛЕВА

Сказки бабушки Татьяны

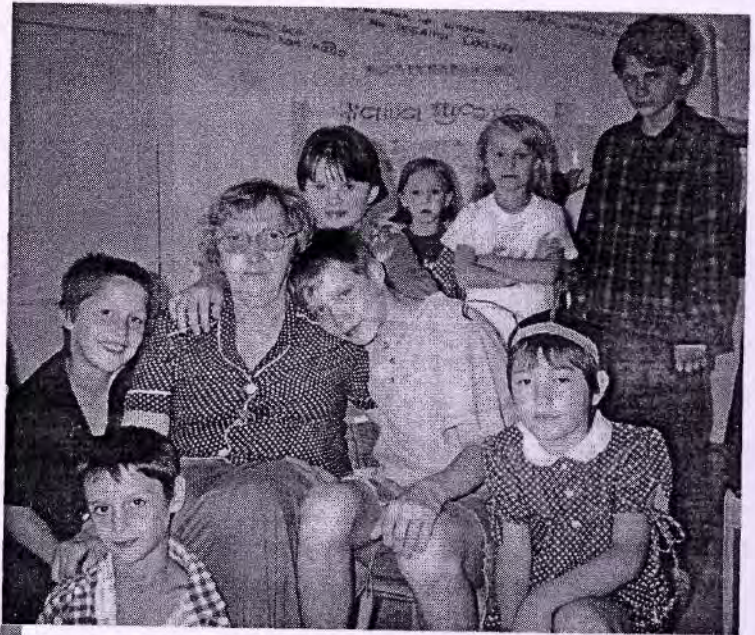
555484

Детская ЦБС
Централизованная
библиотечная система
г. Новокузнецк

Б32

г. Новокузнецк
2004 г.

Р2
К 347

Дорогие девчонки и мальчишки!
И я когда-то была такой же, как вы. И я очень любила читать сказки. И еще любила придумывать их и рассказывать подружкам. Все мои сказки были добрыми и заканчивались очень хорошо.
Время шло. Я стала взрослой. Не все было замечательно в моей жизни, но сказки очень помогли мне.
И вот я уже Бабушка. Я начала записывать свои сказки для внучек и для вас, мои маленькие друзья.
Любите сказки! Читайте сказки! Придумывайте сказки!

Бабушка Татьяна.

Сочинили сказки-были,
А раскрасить их забыли.
Дети, вы берите краски—
Ведь картинки для раскраски.

Бабушка Алла.

Луговая сказка

Распустилась сказка на лугу зеленом в давние года. Ветер сказку поднял с ласковым поклоном и принес сюда. Робко и печально постучал в окошко—протянулась к сказке Танина ладошка.

Солнышко-солнце, дорогой дружок, освети скорее сказочный лужочек! Шелковую травушку бережно пригладь, загляденью-цветикам уж пора вставать.

—Доброе утро!—Ромашка хохочет.

—Доброе утро!—звонит Колокольчик.

—Доброе утро!—поют Клевера.—Доброе утро! Вставайте! Пора!

Усики тянет Мышиный Горошек. Лютики к солнышку тянутся тоже. И до чего ж хорошо на лугу—ни написать, ни сказать не могу! День ли в разгаре, иль ласковый вечер—луг красотой и отрадою светел. И как посланники доброты— цветы.

Только однажды в пыли у дороги вдруг появился—ох!—Чертополох. И выставил сразу колючие лапы:

—Не трогай меня! Могу оцарапать!

—Цветок-недотрога?—смеется Ромашка.—Какие царственные замашки!

И прозвенел Колокольчик хрустально:

—Он болен, наверное. Это печально!

А ласковый Лютик шепнул Горошку:

—Мне кажется, это он понарошку! Дарить красоту—это так приятно.

—И что вы бормочете там невнятно? Вас топчут ногами, в букетики рвут. И радости всей-то—на десять минут!

Но время, как Красное Солнце, катилось, и в сказке страничка поворотилась.

Однажды Заря распахнула окошко—и Девочка робко свернула с дорожки по шелковой травке к веселым цветам и тихо вздохнула:

—Ой, что это там?

Она выступала птенцом голенастым. Мордашку веснушки усыпали часто, как острые крылышки—локотки.

—Что там за розовые цветки?

Но Чертополох—парень не плох! Колючки на страже:

—Все это—мое! Цветочки не трожь! И листики даже!

Пронзила ручонку колючая боль:

—Не тронь!

Две горьких слезинки упали в траву. А может быть, больше?

—Нет, этого я не переживу!—вздыхнул Колокольчик.

—Беги же сюда поскорее, беги, доверчивая бедняжка!—и к ней протянула свои лепестки улыбчивая Ромашка.

А ласковый Лютик шепнул:

—Отойди скорей от дорожки!

Мышиный Горошек усами обвинил ей бережно ножки.

—Мы боль твою снимем,—зовут Клевера,—без всякой уловки! Ты только ладошкой своею погладь нам стриженные головки!

И Девочка дальше по лугу пошла. И шла, и смеялась. И тихая радость к ней в сердце вошла, вошла—и осталась. Когда же пришла расставаться пора (надолго! надолго!)—букетик цветов луговых унесла смешная Девчонка.

А время, как Красное Солнце, катилось, и в сказке страничка поворотилась.

На выставке праздничной тихо и чинно—люди рассматривают картины. И вдруг останавливаются, словно споткнутся. Уйдут ненадолго—и снова вернуться.

Художница юная скромно отступит в сторонку, в сторонку. Цветы луговые признали бы в ней смешную Девчонку. А рядом с художницей в рамке неброской картина, в ко-

торой все кажется просто.

Там: "Доброе утро!"—Ромашка хохочет.

Там: "Доброе утро!"—звонит Колокольчик.

Там: "Доброе утро!"—поют Клевера.—Доброе утро! Вставайте! Пора!»

И усики тянет Мышиный Горошек. И Лютики к солнышку тянутся тоже. Там радость и свет, доброта и мечта, щедрая, вечная красота! Нельзя отойти от картины без вздоха. Но нет на ней места Чертополоху!

Рассказалась сказка, сказка луговая, улетела с ветром в дальние края. Не грусти, Танюшка, прилетит другая. Сказок в жизни много, девочка моя!

Как Дедушка Мороз заболел

За городом, полным и шума, и дыма, за степью холодною и нелюдимой, за сопками, в танце стоящими тесно, есть сказочный лес, никому не известный. Там в шапочках белых пеньки-сиротинки, там в терем волшебный уводят тропинки. В лесную чащобу войди без опаски—там в шорохе веток рождаются сказки.

Дедушка Мороз был старенький—не любил модные сапоги, носил валенки. Пришел в город покупать подарки. Сел отдохнуть на скамеечке в парке. И задремал. А Злодейка-Распутица растопила снег, в деревьях капелью крутится. Довольна, что заснула у Деда в шубе Стужа, а вокруг скамейки—уже огромная лужа. Промокли валенки у старика. Проснулся, а под ногами—ну просто река. Выпустил из шубы Стужу, ударил морозом—заледенели валенки, ноги замерзли. Торопится Дедушка Мороз обратно в лес скорее, а идти все тяжелее и тяжелее. Заболели ноги, заболели руки, совсем плохо дело—горло у старика заболело. Еле дотащился до своей снежной избушки, на кровать повалился, периной снежной накрылся, положил голову на снежную подушку. Заболел Дедушка Мороз, а Злодейка-Распутица и рада—ей бы грязи побольше, а снега совсем не надо.

Промокли зайчишки, промокли волчата, промокли все лесные зверята. Чихают и кашляют, шмыгают носом. Послали Сороку за Дедом Морозом.

Вернулась Сорока:

—Беда! Беда! Лесного доктора срочно сюда! У Деда Мороза ужасный жар! Все тает в избушке! Из окон пар!

Доктор Барсук, и толстый, и важный, в избушку к больному забрался отважно. Отдуваясь, вышел и сказал лесному народу:

—Калины бы надо, немного меда, лесного чеснока и лука. Все на поиски! Быстро! Нука!

Первой прибежала Мышка-Малютка, принесла корешки чеснока и лука. Долго искали по лесу калину—принес Свиристель веточку с ягодами, уцелевшими наполовину. А вот с медом получилась просто беда: мед только у Медведицы в берлоге, никто не хочет идти туда. А Дедушке Морозу все хуже и хуже. А в лесу грязь и сплошные лужи. Какой же праздник в такую погоду? Видно, останутся детишки без Нового года, останутся без елок и без подарков...

Ежик вздохнул:

—Мне детишек жалко! Пойду в берлогу, будь что будет, мои колючки хоть кого разбудят!

Забрался в берлогу Еж, Медведице к самому носу, колючки распустил. Укололась Медведица, проснулась:

—Кто это ко мне пожаловал без спросу? Тебе, Еж, что, жить надоело?

—Не сердись, тетушка-Медведица! Страшное дело! Заболел Дедушка Мороз! В лесу Злодейка-Распутица растопила снег, над лужами дождиком крутится. Сама понимаешь, в такую погоду ну как подготовиться к Новому году? Останутся без праздника и ребята, и зверята. А всего-то кружечку меда для Дедушки Мороза надо!

Медведица заворчала:

—Для такого дела я бы и бочонка не пожалела. Да вот вставать, идти неохота...

А Ежик ей:

—Да мне бы хоть кружечку! Кружечку всего-то!

Бежит Ежик с медом, бежит-поспешает. А лесной народ волнуется, переживает. Увидел Барсук мед—и к больному скорей. Столпились зверята у самых дверей. И вдруг замечают—пар-то из окон исчез. Зазвенел ледяными сосульками лес.

Избушка у Деда опять серебрится, а на землю—ура!—снежок ложится.

Дедушка Мороз на крылечко вышел, снегом засыпал на избушке крышу, деревья одел

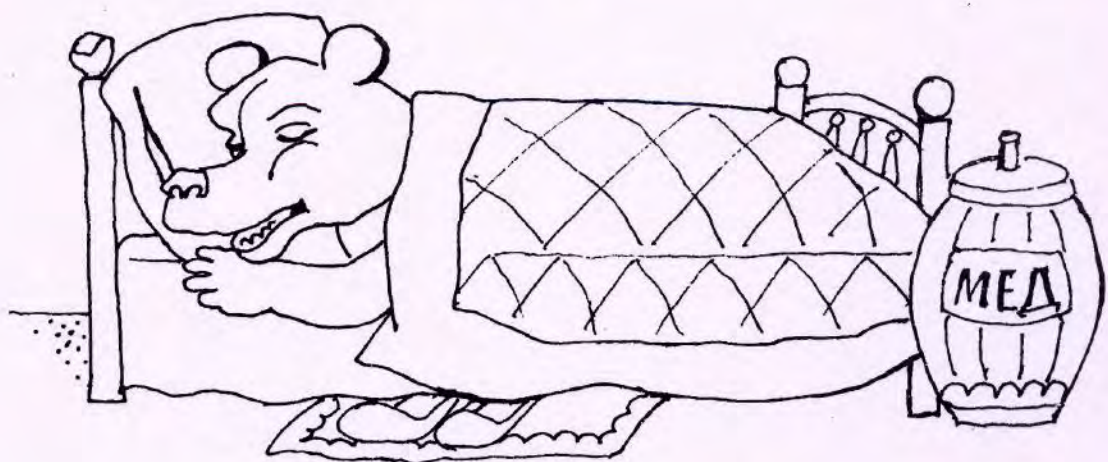

в белоснежные платья, улыбнулся:

—Здравствуйте, лесные братья! Спасибо за доброту и заботу, будем готовиться к Новому году!

Заскрипели по лесу с елками санки. Дед Мороз в мешок укладывает подарки. Не забыты ребята, не забыты зверята—всех малышей обрадовать надо! Ну, а Ежику подарок особый, а вот какой—догадайся, попробуй!

Про ящик говорящий

Попросила Сашенька: «Напиши мне сказку!»

Бабина помощница—как же ей откажешь!

...Кто хочет—пусть верит, кто не хочет—не верит: жили когда-то в лесу заповедном веселые звери. Жили-дружили, горя не знали, вместе работали и отдыхали. И даже Волчище зубастый за зайцами не гонялся—ягодами, рыбкой речною питался. А вечером на поляне лесной соберутся все вместе—тут тебе пляски задорные, тут тебе песни. Лес зазвенит, заиграет резною листвою, солнце на небе окошечко приоткроет, глянет на землю и ласково удивится: вон как умеет звериный народ веселиться! Волк на гармошке играет и топает лапой, ходит вприсядку с присвистом Медведь косолапый. Заяц по пню барабанит и ушками машет, огненной змейкой Лисичка-красавица пляшет. Пляшут и Ежики, и Барсуки, пляшут Бобры у поющей реки. Радостно скачут звериные детки, птицы поют и танцуют на ветках. Не умолкают веселье и смех—отдых для всех, праздник для всех!

Вот уже солнышко в тучах взбивает перину. Угомонился усталый народец звериный. В норки и гнездышки всем забираться пора—спать до утра. С утренней зорькой приходят дневные заботы: деток кормить и учить—непростая работа! Да и запасы на зиму нужны—аж до весны! Дни пролетают, мелькают недели—не унывают веселые звери.

Только однажды случилось такое! Не стало в лесу заповедном покоя.

Прилетела Сорока—лесная газета, затараторила, усевшись на ветке:

—Что творится! Что творится! Поспешите удивиться! Привезли в магазин ящик. Не простой ящик—говорящий! У него большое окошко, то собака в окошке, то кошка! То гуляют по лугу коровы—отродясь не видала такого!

Серый Волк—он думать не мастер:

—Ящики—это по моей части!—Схватил все запасы, засунул в мешок и в магазин поволок. Вернулся с ужасно довольным видом:

—Во, притащил! Называется телевизор! Буду смотреть, а вы как хотите: покупайте сами или меня и волчат кормите!

Разбрелись звери по лесной чаще, каждый думает про ящик про говорящий. Страшно как-то ходить к голодному Волку. Свой телевизор хочется в норку.

И наступила в лесу лихая пора—целые дни у телевизора взрослые и детвора. Какие тут пляски, какая работа—без конца передачи смотреть охота. А в них чему только ни научат: и как драться, и как убивать получше. Жестокость и грубость—нормальное дело! Звериный народ превращается в озверелый.

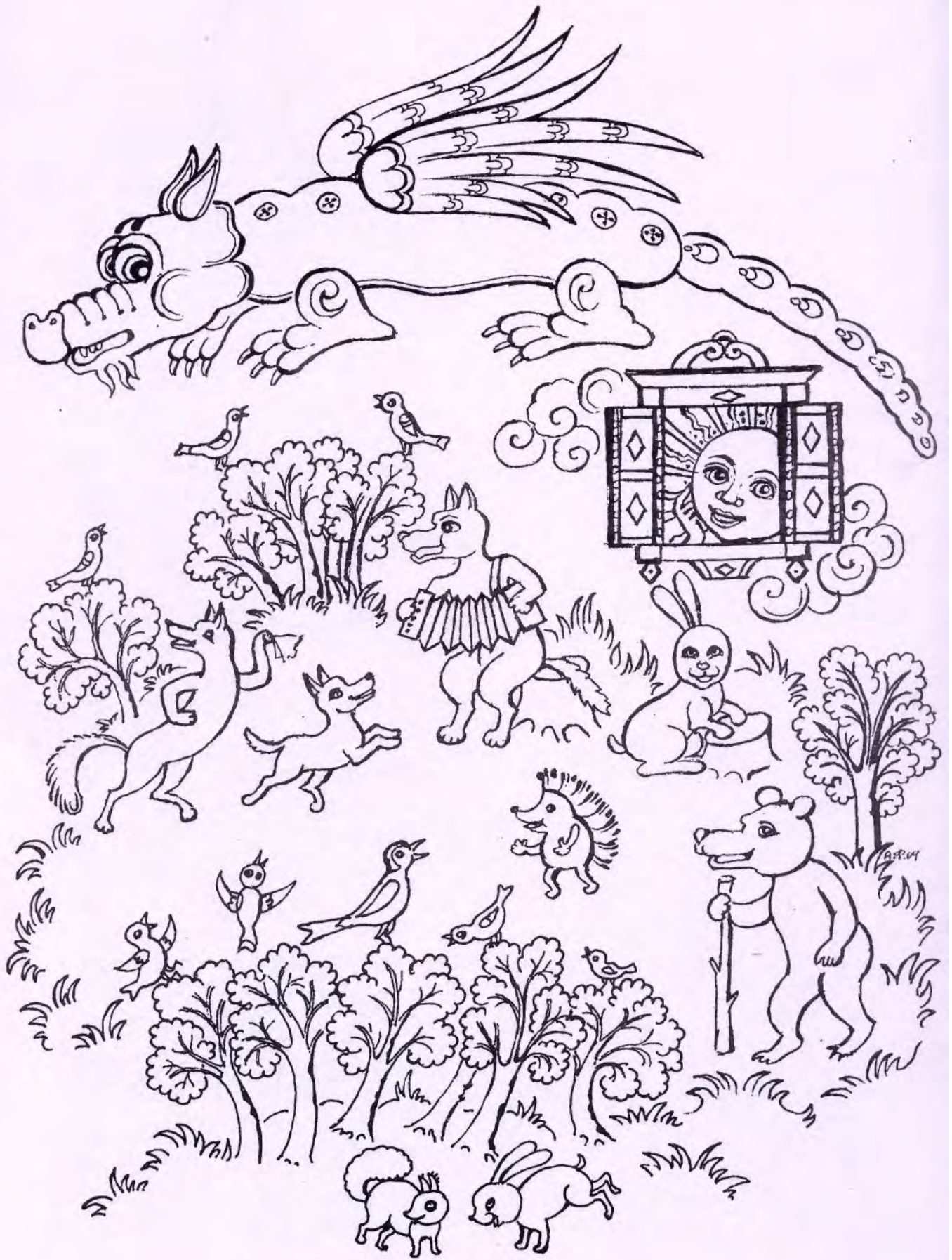
Голодный Зайчишка без мамы по тропочке топал. Волчонок голодный увидел Зайчишку и слопал! Волчонка поймала Сова и под елкою съела. Ее обругала Волчица—великое дело! Сова-то еще не такое с экрана слыхала, глазами похлопала молча и задремала.

В лесу заповедном тенистые тропы, а воздух какой—надышаться попробуй! Росистых лужаек волшебны по-прежнему краски, да только исчезли там песни и пляски. Не хочет звериный народ собираться. Дружить разучились, умеют бояться, да рвать, да хватать, да утаскивать в чащу ... Ах, что ты наделал, заманчивый ящик, ящик говорящий!

Такой безобидный, приветливый с виду, но очень коварный—ТЕЛЕВИЗОР!

И только Медведь, добродушный толстяк, смотреть передачи не хочет никак. Зовут его в гости:

—Иди, посидим!

Приходит Медведь, посидит, поглядит, в затылке почешет и плюнет с досадой:

—Эх, тошно смотреть! И кому это надо?

Вздыхнет и уходит в родную берлогу и думает: «Надо идти за подмогой, спасать надо срочно звериный народ— совсем озверееет, совсем пропадет!»

И вспомнил, как бабушка пела когда-то ему и братишкам его медвежатами о том, что уж много и много веков спит в темной пещере Волшебный Дракон. Засыпал он вход, но оставил следы, на камне слова: «Не будить до беды!»

Поднялся медведь:

—Хоть весь лес обойду, но эту пещеру я все же найду!

...Спешит Косолапый, не ест и не пьет, все дальше и дальше по лесу идет. А лес заповедный все глуше и глуше, и вот поднимаются горные кручи. На осыпи, скалы ползет косолапый, а острые камни впиваются в лапы. Медведь отощал и ужасно устал, но вот перед надписью грозною встал. Мерцают слова: «Не будить до беды!». Под камнем застыли драконьи следы.

—Устал я ужасно, и плохо мне очень, но видно, придется и камни ворочать!

Не день и не два разгребает он вход. И вот по пещере к Дракону идет.

—Волшебник, проснись, наступила беда! К тебе не напрасно пришел я сюда!

Волшебный Дракон задрожал, потянулся, глазищи открыл, удивился, проснулся.

—Медведь? Это что за явление такое? Опять не даете поспать мне спокойно! Неужто и вправду в лесу заповедном беда приключилась? А ну-ка, поведай!

Заплакал Медведь:

—Выручай поскорее, иначе звериный народ озверееет! Дружить разучились веселые звери, никто никому уже больше не верит. Счастливой работы забыты привычки, зато убивать научились отлично и рвать, и хватать, и утаскивать в чащу.

—А что же виною?

—Заманчивый ящик, ящик говорящий!

—Ага, телевизор уже появился!—Дракон засмеялся, но не удивился.—Ну что ж, не грусти, я ведь знал, что так будет и лес заповедный испортят мне люди. Сейчас из пещеры скорей выбирайся и в скалы запрятаться постарайся!

...Дракон расправляет могучие крылья и в небо взлетает жемчужною пылью. Туманная дымка поднялась над лесом и встала мерцающей дивной завесой. И сразу и в дуплах, и в норах, и в норках экраны погасли и звуки замолкли.

Испуганы звери, обижены звери, рассержены звери такую потерей. И вот собирается снова в дорогу—узнать и разведать—болтушка Сорока.

Обратно летит:

—Не поверите, братцы! И в лес, и из леса теперь не пробраться. Волшебный туман закрывает пути—не пролететь и не переползти!

...Усталый Медведь возвращался в родную берлогу. Уже не спешил, отдыхал себе понемногу. Не день и не два добирался—не близок ведь путь. Дошел, на лесную полянку решил заглянуть. А там...

Там Волк на гармошке играет и топает лапой, и ходит вприсядку с присвистом Волчонок лохматый, и Заяц по пню барабанит и ушками машет, и огненной змейкой Лисичка-красавица пляшет. Там пляшут и Ежики, и Барсуки, и даже Бобры у поющей реки. Там радостно скачут звериные детки и птицы поют и танцуют на ветках. Не умолкают веселье и смех: работа для всех—и отдых для всех!

В тот лес заповедный, поверь мне, нет ходу надолго всему человеческому роду. Жестокости, грубости, жадности, лени не место в лесу заповедном, поверь мне! Волшебный Дракон днем и ночью на страже—пути в этот лес никому не покажет!

Почему Вьюга плачет

Девочка Даринка, мамина кровинка, устала немножко, села у окошка. А за окошком—вечер в сугробах тонет, а за окошком Вьюга плачет и стонет. У Даринки слипаются глазки.

—Все равно хочу сказку!

За высокими горами, за дремучими лесами, в царстве холодной тьмы жила-была Красавица Вьюга, подружка Зимы. Только Осень-печальница тихо уйдет, Зима на землю морозом падет, за собой Красавицу Вьюгу приведет. Всегда и повсюду были они вместе: Зима трещала морозами, Вьюга кружила снежинки и пела веселые песни. Так бы эта дружба и не кончалась, да Красавица Вьюга однажды зазналась, сказала Зиме:

—Без меня, без Красавицы Вьюги, не было бы почета и тебе, моей подруге. Это я одеваю землю в наряд белоснежный, это я напеваю за окнами тихо и нежно. Без снежинок моих не стояли б из снега матрешки, не бежали б за санками резвые детские ножки.

Обиделась Зима, стала плакать. На улице—безобразная слякоть. Видно, Вьюге-то без Зимы—тоже беда: не снежинки падают—дождик идет, сплошная вода. К оконным стеклам грустные ребятишки прижали свои курносые носишки. Позаброшены санки, позаброшены лыжи. Детвора—по домам: на улице лужи.

—Зимушка-Зима, мы тебя так ждали, пели о тебе песенки, стихи читали! Вернись, Зима! Мы тебя очень любим! Ударь, Зима, в свой морозный бубен!

Послушалась Зима, перестала плакать. Застыли лужи, исчезла слякоть. Зовет Зима Красавицу Вьюгу, а та за тучи спряталась и посматривает оттуда.

Рассердилась Зима, ударила в волшебный бубен:

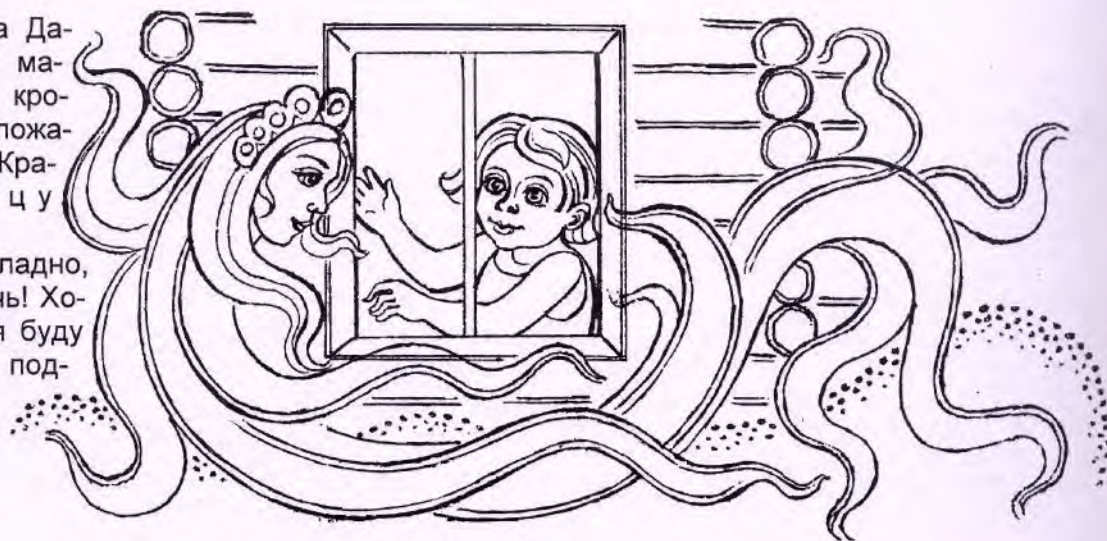
—По-доброму не хочешь—по другому будет! Будешь ты петь тоскливые песни, плакать и выть с Северным Ветром вместе!

Зима в свой бубен бьет и бьет, тяжелые тучи трясет и трясет. Рассыпались тучи ласкою снежной, оделась земля в наряд белоснежный. Зазвенели двory от ребячьего смеха. Малышня на снегу. И мороз не помеха!

А Вьюга сверкающей шубой накрылась, в лес подалась и в чащобу забилась. И только поднимется, только завоюет—все двери и форточки люди закроют. Не рады, не рады Красавице Вьюге: она, кого хочешь, завертит, застудит, до крыш в деревушках дома заметет, тоскливою песней с дороги собьет. Не рады ей звери, не рады ей птицы. Никто с ней не хочет отныне водиться. А может, когда бы нашла она друга, добрее бы стала Красавица Вьюга?

Девочка Даринка, мамина кровинка, пожалела Красавицу Вьюгу:

—Ну ладно, не плачь! Хочешь, я буду твоей подругой?

Про Шмелёнка Шуру

У Максимушки-лапушки ручоночки-хватушки. У Максимушки-душечки ноженьки-топотушечки. Ясные глазеночки у моего мальчоночки. Баюшки, мой ладушка, расскажет сказочку бабушка.

Шмеленок Шура был ребенок шумный. Гулять летит—гудит, на цветке сидит—гудит, даже спит—и то во сне гудит.

Ну просто никакого покоя! Да что же это такое? Папа шмель прилетит усталый, а отдохнуть возможности никакой не стало. Почитать бы папе газету или книжку, но все громче и громче гудит Шмелишка.

Проворчал Папа Шмель:

—Это мне надоело! У меня от твоего гудения голова заболела! Убирайся на улицу, скверный мальчишка!

Грустный вылетел из дому Шмелишка.

Шмеленок Шура не хочет больше быть шумным. Летит еле-еле, чтобы крылышки не гудели. На травку, на цветы не глядит шмеленок. Быть беде—пропадет ребенок!

Паук Пахом ходит тайком. Плетет паутину тихо-тихо, в серебре укрывает черное лихо.

—Ага, вот и добыча рядом: летит шмеленок, по сторонам не глядя. Натяну блестящие нити потуже... Вот и попался! Да не брыкайся, только запутаешься хуже! Сейчас я сыт, а ближе к ночи поужинаю тобой, и даже вкусно очень!

А шмеленок Шура и не пробует освободиться, твердо запомнил: крылышками шуметь не годится.

Мама Шмелиха домой прилетела. Папе от Мамы крепко влетело.

—За что ты прогнал своего шмеленка? А ты не шумел, когда был ребенком? Лети, разыщи, приведи обратно!

Шмель прогудел:

—Ладно. Понятно.

Летит Шмель, торопится очень. А время все ближе и ближе к ночи... Где же ты, где, шмеленок Шура, такой любимый, хотя и шумный? А солнце все ниже, а ночь все ближе. Алая Зорька, вечерняя Зорька с цветами играет, цветы закрывает. Задела Шмеля—удивилась очень:

—Что это ты разлетался к ночи?

—Заря-Заряница, Красная Девица, Вечерняя Фея, помоги мне скорее! Потерял я шмеленка, своего ребенка!

Заря-Заряница, Красная Девица лучами алыми в кустах заиграла, паутину паука Пахома отыскала. В паутине той висит шмеленок Шура—тихо-тихо, без всякого шума. А паук Пахом ползет тайком по паутинке все ниже и ниже, к шмеленку все ближе и ближе...

Рассердилась Заря-Заряница, Красная Девица:

—Ну, паук Пахом, детей обижать не годится! Вот тебе! Паутину—в клочки и по кочкам. Ох, прощайте! Пора мне—опускается ночь.

Папа Шмель что-то долго втолковывал сыну, отрывая от лапок его паутину. Знает теперь шмеленок Шура: есть время для тишины и есть—для шума.

Про Звёздочку

Загляделась Звездочка на уснувший лес, и упала Звездочка искоркой с небес. Под пихтовой лапою спряталась лохматую. Утро просыпается—сказка начинается.

—Ты чья? Ты чья?

—Я ничья. Я—Звездочка.

—Надо же, чего в жизни не бывает: уже и девочек звездочками называют!

—Я не просто девочка, Я Звездочка! А ты—Сорока-Белобока, лесная тревога. Я тебя знаю.

—Знаешь, знаешь... Все выдумываешь, все сочиняешь. Звезды на небе, и то лишь ночами, а ты здесь, вместе с нами.

—Это—тайна! Под Новый год мы там, на небе, ведем хоровод. Девчонки, мальчишки—один только день. А я упала—и оказалась здесь.

—Сочинять мастерица, ничего не скажешь, да только как ты все это докажешь?

А ворона с пихты:

—Кар-р-р! Кар-р-р! Кошмар-р-р! Вр-р-унья! Не докажет!

—Сядь, Сорока, ко мне на ладонь, ты получишь небесный огонь!

Сороке очень хочется, да боится... И все-таки потихоньку на ладошку садится...

—Кар-р-р! Кар-р-р! Какой кошмар-р-р! Сор-р-рока гор-р-рит! Кар-р-раул! Пожар-р-р!

Прибежали звери. Как не удивиться: откуда в лесу появилась Жар-птица?

А Сорока уже на елку садится. Засияла елка праздничными огнями. Каждая снежинка—маленькое пламя.

—Ой, здорово!—пискнул Зайчишка.—А пенек тоже может светиться?

Засмеялась Звездочка:

—Поиграй нам немножко!—И по пню холодному провела ладошкой. Заискрился пень. Барабан—красота! Зайчишка лапками: тра-та-та-та! Бом! Бом! Бом! Далеко по лесу разносится звон.

Проснулась Вьюга, закричала, застонала, на небо снежные тучи нагнала. Поднялась над лесом метельной завесой. Вот-вот погаснет веселая елка. Опечалились зверята, но ненадолго. Протянула Звездочка к небу руки—и как не бывало ни туч, ни Вьюги. В хороводе у елки заскакали зверята: бельчата, лисята, зайчата, волчата... И такое веселье пошло, такие пляски—что не выдумаешь в самой веселой сказке.

Высунула нос наружу Баба Яга:

—Слезать с печки не хочется. Ступай, куриная нога!

Бежит по дорожке избушка на курьих ножках. Еще до елки не добежала, а уже затанцевала. Прыг-скок! Прыг-скок! Баба Яга носом—да в потолок! Из-за печи вывалился Леший:

—Выпустите! Лучше пойду пеший!

Дверь отворил с трудом—и в снег кувырком! А Баба Яга следом за лесным дедом. Танцует избушка на курьих ножках—и Леший стал выплясывать понемножку. Сначала робко, сначала с оглядкой... Не удержался—пустился вприсядку! А Баба Яга ворчала, сердилась, а потом сама не выдержала—развеселилась.

В хоровод! В хоровод! Скоро, скоро Новый год!

...Вот и вечер. На небе морозном загораются первые звезды. Сказала Звездочка:

—Мне пора!

Заплакала лесная детвора:

—Не улетай! Оставайся с нами!

—Ну что вы! Ведь я тоже хочу к маме!

Лучик с неба протянулся несмело—и девочка-Звездочка вдруг побледнела. И неожиданно как-то пропала, лишь искорка маленькая замерцала. По лучику в небо—будто и не было.

—Прощайте, зверята! Утрите слезы! Ожидайте Деда Мороза!

Девочка-Звездочка, ясные глазки, принеси ребятам новые сказки!

Про Улитку Улю

Осень плачет за окошком. У тебя устали ножки. Забирайся-ка в кровать— сказку слушать, сладко спать.

Маленькая улитка Уля, мамина роднуля, была большая капризуля. Уж и еда-то ей не еда—невкусная всегда.

—Я этого есть не буду!

Уж и вода-то ей не вода—холодная всегда.

—Не буду мыть посуду!

Одежки разбросаны, игрушки заброшены—наказание просто:

—Приберусь, когда стану взрослой!

Уж мама ее уговаривала и стыдила, но все оставалось по-прежнему, как и было. Мама и на кухне одна мается, и по дому ходит, убирается, об Улины игрушки и одежки спотыкается.

—Уленька-Уля, мамина роднуля, вырастет из тебя неряха и грязнуля!

А Уля в ответ:

—Все время ворчишь, надоело слушать. Хочу жить одна, делать, что захочется, что захочется, кушать!

Маме тоже надоела эта мука:

—Ну что ж, поживи одна, попробуй, ну-ка! Построю тебе домик под листком капустным!

—Под капустным не строй, капустный не вкусный!

Строит мама домик надежный, хоть и простой. А Уля кричит:

—Ты поменьше, поменьше построй! В большом убираться—помрешь от надсады. Зачем мне хоромы? Мне ма-а-аленький надо! Поменьше! Поменьше! Такой подойдет!

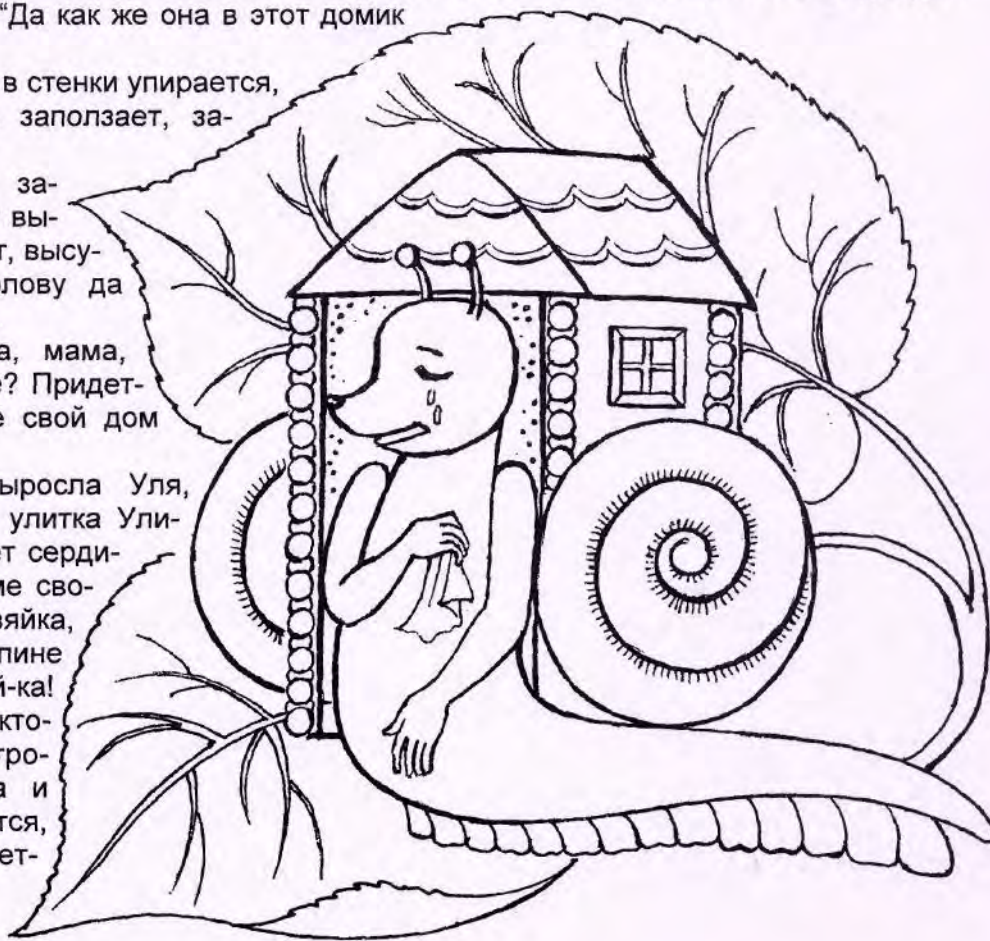
Думает мама: “Да как же она в этот домик войдет?”

А Уля кряхтит, в стенки упирается, затискивается, заползает, забирается.

Забраться-то забралась, а вот вылезти не может, высунула лишь голову да кончики ножек.

—Ой, мамочка, мама, за что это мне? Придется носить мне свой дом на спине!

Давно уже выросла Уля, стала Улитой, улитка Улита на весь свет сердита. Хоть в доме своем и сама хозяйка, да дом на спине поди, потаскай-ка! Только к ней кто-нибудь притронется—головка и ножки спрячутся, дверка закроется—стыдно!

Почему у Бабушки Ёшки избушка на курьих ножках

Если часто плачут глазки, жизнь не очень хороша, пусть своей ладошкой сказка приласкает малыша.

У Бабушки Ёшки была небольшая избушка у лесной дорожки. Дожди ее поливали, солнце ее палило. Состарилась избушка, обветшала, ветром ее на бок завалило. Помело размочалилось, расколосась ступа, остались у старой одни башмаки-мокроступы. Решила сделать себе Бабушка-Ёшка новую избушку, да не какую-нибудь, а на ножках. Чтобы возила ее, старую, куда прикажет, а она, Баба-Яга, на печке заляжет.

Утро в траве зажигает росинки, капельки солнца блестят в паутинках. Баба Яга ковыляет дорожкой, тащит под мышкой облезлую кошку.

—Мир и покой для меня наступают: лапки кошачьи так мягко ступают!

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки,
Кошка облезлая,
Стань-ка избушкой!

Тихо по лесу крадется избушка, а Бабушка Ёшка храпит на подушках. И вдруг—скачок! И вдруг—прыжок! Избушка— за мышкой, а старая—нос в потолок! Направо, налево избушка несется, а Бабушка Ёшка на печке трясется.

Кряхтя и ругаясь, сползла она на пол. Досталось ей и кочергой, и ухватом. Добралась до двери, свалилась с крыльца, стена и охая без конца.

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки,
Стань кошкой облезлою
Снова избушка!

На лес наползают лохматые тучи, и ветер шубенку на бабушке крутит. Свистит, подвывает, совсем раздевает.

—Ой, пропаду! Без избушки мне лихо! Кого же поймать, чтоб возил меня тихо? Избушку хорошую сделать—не шутка! Пожалуй, нужна мне ленивая утка!

В деревню за уткой по пыльной дорожке торопится старая Бабушка Ёшка. Подкралась, поймала—и в лес поскорее.

—Теперь-то избушку я сделать сумею!

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки,
Стань важная утка,
Скорее избушкой!

Ни ветер, ни дождь не страшны Бабке Ёшке, на печке она задремала немножко. А утка-избушка идет по дорожке. Все дальше и дальше—так плавно и тихо. Ну, кажется, кончилось бабкино лихо! Да только дорожка та на беду вела к пруду. А там и улитки, а там и лягушки. Топочет по берегу утка-избушка. И только как следует бабка уснула, избушка за жирной лягушкой нырнула. Торчат над водой только желтые лапы: скорее, скорее Квакушку зацапать!

А Бабушка Ёшка на потолке плывет на подушке, с другою в руке.

—Ой, караул, утону, пропаду! Дверь под водою никак не найду!

Бабушка Ёшка разбила окошко, в лягушках и тине на берег взобралась, едва отдышалась.

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки,
Стань уткой противною
Снова, избушка.

Вся мокрая, еле бредет по дорожке бедная, бедная Бабушка Ешка. Дошла до деревни, легла в огороде. А девочка Саша цыпляток выводит:

—Цып, цып, маленькие, выходите, погуляйте, на солнышко поглядите!

Видит—старушка лежит на грядке, вся мокрая, волосы в беспорядке.

—Бабушка, ну-ка идем со мной в дом! Я хлебом тебя накормлю с молочком, одежду твою просушу и согрею, а то ненароком еще заболеешь!

Бабушка Ешка наелась, согрелась, заплакала тихо и рассказала девочке про свое лихое.

“Ну,—думает Саша,—плохие дела”.

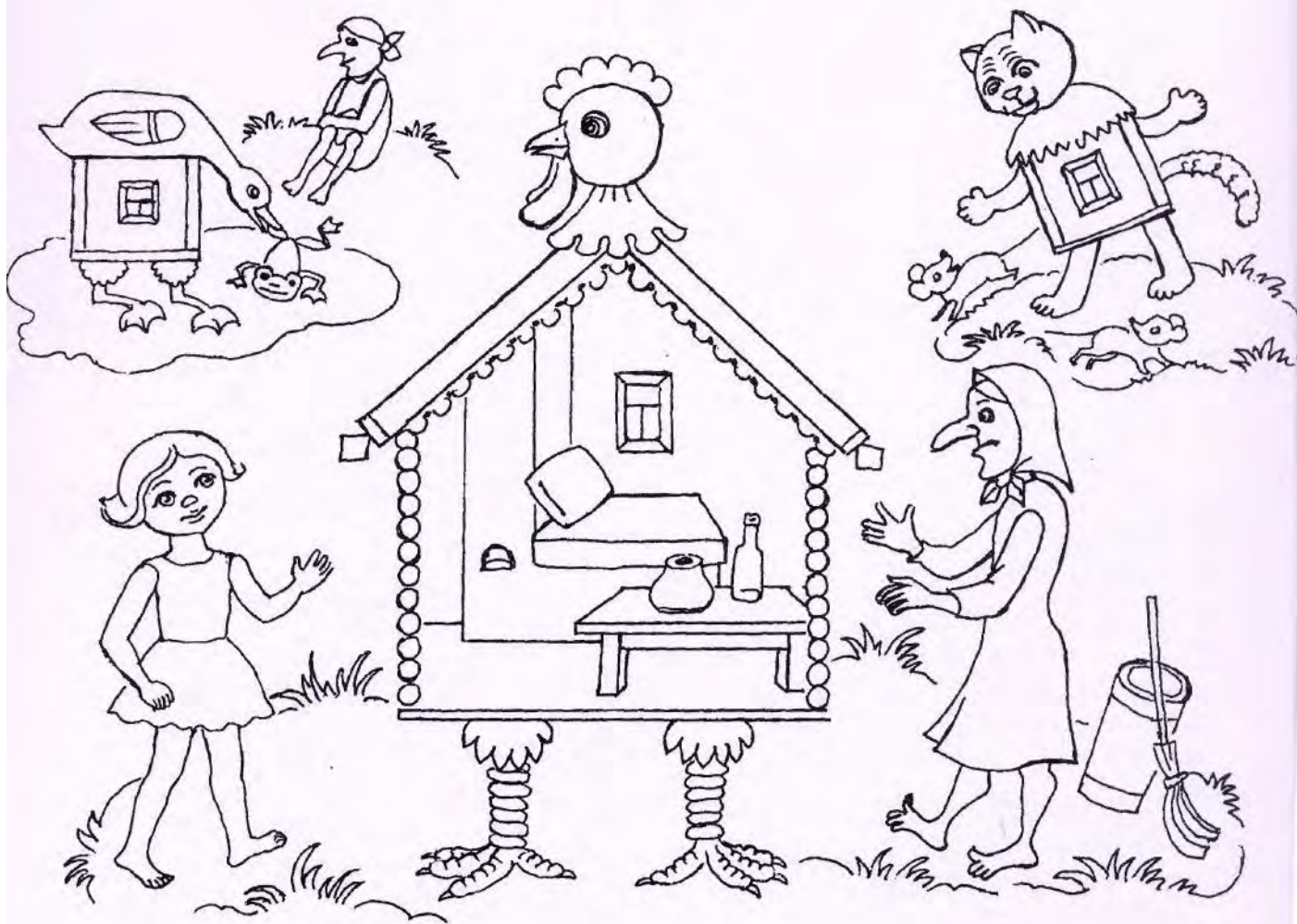
—Бабуля, ты б курочку лучше взяла. Она никуда ни за кем не помчится, воды она тоже ужасно боится. Отдам тебе, бабушка, нашу Пеструшку. И будет тебе мировая избушка!

Бабушка Ешка поплакала еще немножко, девочку Сашу обняла, поцеловала, Пеструшку взяла и к лесу пошла.

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки—
Курочка милая,
Стань-ка избушкой!

Стоит у дорожки избушка на курьих ножках, белые занавесочки на окошках. Лежит себе на печке Бабушка Ешка.

Лежать устанет, встанет, сварит пшеничную кашу—ждет к себе в гости девочку Сашу. Довольна избушкой: Пеструшка так, изредка, тихонько наклонится, чтобы поймать червячка.

Грибок

*Устали Танины ноженьки, устали Танины рученьки, устали Танины глазоньки.
Легла Танечка в кроватку и глазки закрыла.*

И пришла добрая ночь.

И началась сказка.

...В дальнем-дальнем лесу вырос грибок. Сам маленький, ножка беленькая, а шапочка красненькая. Выглянул из-под земли—увидел травушку зеленую.

—Здравствуй, травушка зеленая!

А больше ничего не увидел, такой был маленький.

Прошел денек—подрос грибок.

Выглянул из травки—увидел кустик. Кустик маленький, на нем ягодки аленькие. Брусника поспела!

—Здравствуй, травушка зеленая! Здравствуй, ягодка-брусничка!

А больше ничего не увидел. Все еще маленький.

Прошел денек—подрос грибок.

Посмотрел вокруг—лес стеной стоит. Деревья большие-пребольшие, листочками шелестят, головами зелеными ветру кланяются.

—Здравствуй, травушка зеленая! Здравствуй, ягодка-брусничка! Здравствуйте, деревья-великаны! Вот я уже какой большой!

Большой, да не совсем.

Прошел денек—подрос грибок.

Приподнял шапочку, посмотрел вверх, а там!.. Небо—синее-синее, солнце ясное-ясное!

—Здравствуй, травушка зеленая! Здравствуй, ягодка-брусничка! Здравствуйте, деревья-великаны! Здравствуй, солнышко ясное!

Рос-рос грибок—и вырос.

Почему у ослика длинные уши

Постелила я постельку, приготовила пижамку. Собирайся-ка, Танюшка, доброй ночи сказку слушать.

Кем задумана, кем рассказана, кем ты, сказка, в букетик связана? Говорят, что давно это было—очень ослика Мама любила и всегда поучала ласково дорогого сыночка Герасима:

—Под гору идешь или в гору, не останавливайся, не слушай чужие разговоры! Занимайся своими делами, пусть все встречные-поперечные договариваются сами!

Но ослику Герасиму все интересно: остановится—и ни с места! Ох уж этот ослик Герасим, ну просто беда с ним!

Папа с поклажей на рынок шагает, ослик путается под ногами. И вдруг—пропал и вдруг—исчез: в канаву послушать лягушек залез. Сам не выберется он до ночи—вот и вытаскивай его, как хочешь.

Ох уж этот ослик Герасим, ну просто беда с ним!

Мама пасется себе на лугу. Герасим решает:

—Я так не могу! Услышать я должен хотя бы два слова, о чем так печально толкуют коровы.

А навстречу ему—сплошные рога:

—Отойди, если жизнь дорога!

Ох уж этот ослик Герасим, ну просто беда с ним!

Незаметной тропиночкой время шло и ко дню рождения Герасима подошло. Думает Мама, думает Папа: поздравить сыночка утречком надо! В кухню ушли—и дверь на задвижку, чтоб разговор не услышал сынишка.

А Герасим в кроватке уснуть не может, его любопытство ужасное гложет:

—Что же подарят? Тележку с дугою? Цветную уздечку? Иль что-то другое?

И так уж хотел, так хотел он подслушать, что сами к дверям потянулись уши. Тянулись, тянулись—и стали большими, но все ж ничего не услышал он ими.

Ох уж этот ослик Герасим, ну просто беда с ним!

А утром счастливые Папа и Мама к кроватке сыночка направились прямо. Они прикатили тележку с дугою, а в ней и уздечка, и то, и другое.

—Вставай, наш Герасим! Вставай, наш сынишка!

Но под одеяло забился глупышка и ничего-то не хочет он слушать, прячет от всех свои длинные уши.

Что тут и подумать, Мама не знает: день рождения—а Герасим рыдает. Зовет его Папа:

—Герасим, смотри же!—и тележку подкатывает поближе.

Одеяло с ослика робко сползает и наружу—о ужас!—большущие уши вылезают. Теперь уже плачут Папа и Мама:

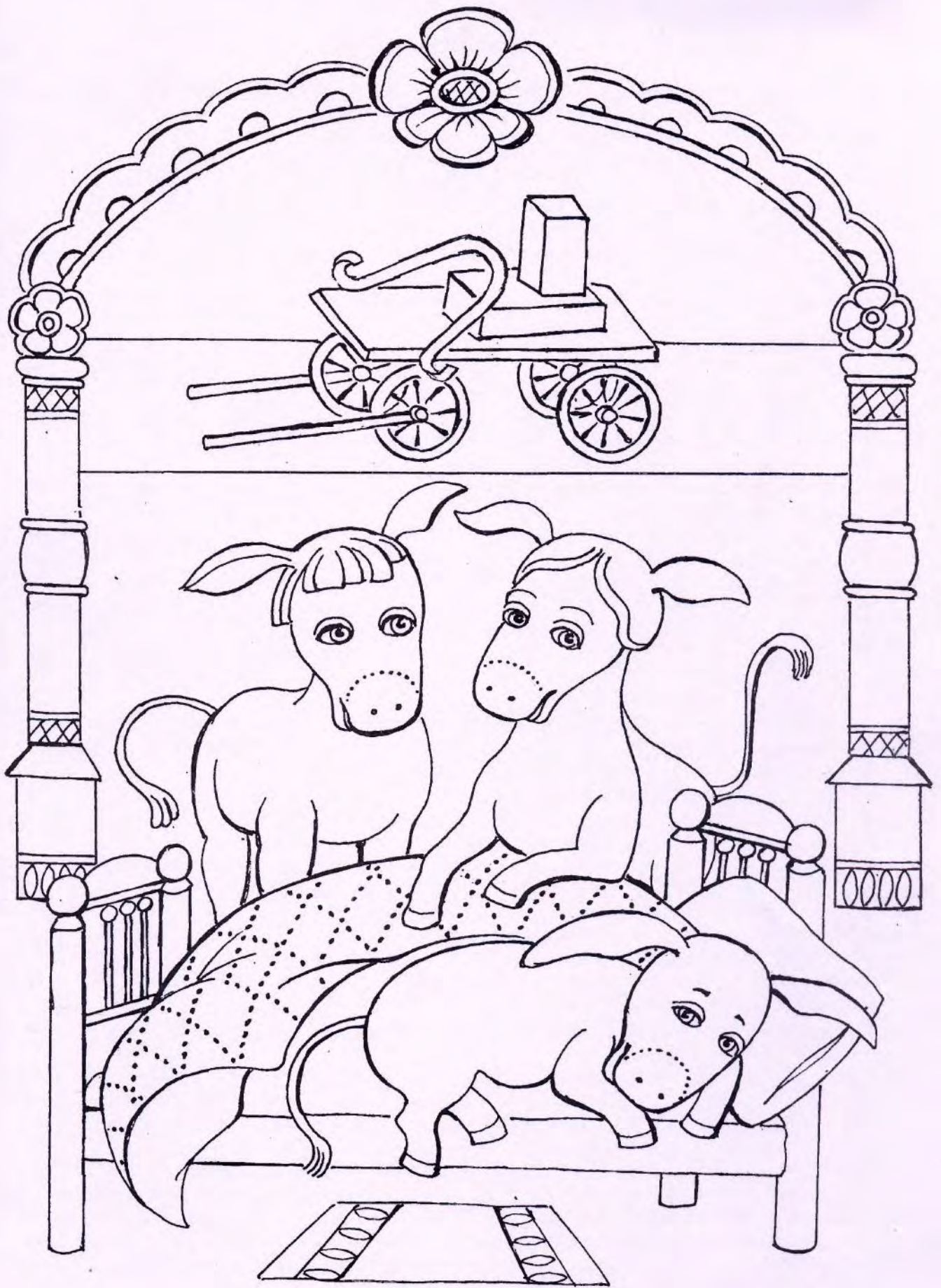
—Ох уж этот ослик Герасим, наказание прямо! День рожденья испорчен. Скорее к врачу! Может, уши подрезать?

—Боюсь! Не хочу!

И печальная наступила пора. Смотрели Герасима разные доктора. Лечили по-всякому, долго лечили, а уши—длинные, как и были. Возили Герасима даже в столицу и там положили в большую больницу. Советовались с лучшими профессорами, но ослик остался с большими ушами!

Ох, уж этот ослик Герасим, ну просто беда с ним!

Про Чомгу

*Маленькая зверюшка, мышка-норушка, по полю бежала, семечко потеряла.
Вырос из семечка чудесный цветок, золотой лепесток. Сорви лепесток,
положи на ладошку—он в сказку тебе укажет дорожку.*

Добрая птица Чомга по лесу летала, ветки для гнезда собирала. На высоком дубу, на поляне лесной захотела вывести птенчиков весной. Гнездо готово—лучше не надо, да вот беда: болтушка Сорока поселилась рядом. Застрекотала, зашумела:

—Вот еще новое дело! Люди Поганкой зовут эту птицу. Нечего ей рядом с нами селиться!

Налетела воронья стая, Чомгу клюют, ветки наземь кидают. Раскидали все до последней веточки. Погибли у бедной Чомги деточки!

Эх, Сорока, Сорока! Мало ли о чем болтают люди? Всему плохому верить—ничего хорошего никогда не будет. Людская молва не всегда права. Чомга—птица очень красивая и очень добрая, просто для людей она—несъедобная!

Улетела Чомга во чистое поле, во широкое раздолье. Решила в высокой траве хорониться, рядом с Перепелкою поселиться.

Но и туда болтушка Сорока прилетела, застрекотала, зашумела:

—С такою соседкою, Перепелка, жить не годится! Не зря же Поганкою зовут ее люди, от такого соседства добра не будет!

Испугалась Перепелка, позвала Перепела на подмогу, выкинули они гнездо Чомги на дорогу. Пустое было, а жалко все же: новое сделать кто ей поможет?

Эх, Сорока, Сорока! Мало ли о чем болтают люди? Всему плохому верить—ничего хорошего никогда не будет. Людская молва не всегда права. Чомга—птица очень красивая и очень добрая, просто для людей она—несъедобная.

Обиделась Чомга, в болото забралась, в камышах затерялась. Но и болотные птицы не хотят рядом с нею гнездиться. Цапля по болоту ходит важно. Сорочьи новости рассказывает каждому.

—Подруга Сорока зря болтать не будет. Поганкою называют Чомгу люди. А люди ошибаются редко. Зачем нам, скажите, такая соседка? В воду гнездо! Пусть потонут яички! Нечего ей между нами селиться!

Эх, Сорока, Сорока! Мало ли о чем болтают люди? Всему плохому верить—ничего хорошего никогда не будет. Людская молва не всегда права. Чомга—птица очень красивая и очень добрая, просто для людей она—несъедобная.

...Плывет гнездо по зеленой водице, а рядом Чомга—печальная птица. И вдруг встрепенулась: вот это да—птенчик выскочил из гнезда! А за ним и другой, и третий —и вот на спине у Чомги все ее дети. В перья зарылись, крепко вцепились.

Увидела Цапля пустое гнездо и рада:

—Пусть убирается! Так ей и надо!

А Чомга на середину болота выплывает царицей: детишки чудесные, есть чем гордиться, может она и на воде гнездиться!

Очень обрадовался старый разбойник Лунь Болотный: птенцы на спине у матери сидят беззаботно.

—Такая беспечность весьма мне по нраву, будет сегодня к обеду приправа!

Кинулся вниз—да не тут-то было: и Чомгу, и птенцов вода укрыла. Нырнула с детишками на спине, те держатся крепко, словно всадники на коне.

Минута... Другая... Пернатый разбойник напрасно глаза таращит. Вынырнула Чомга подальше, подлетела немного и укрылась с детишками в камышовой чаще.

—Да,—думает Лунь,—вот это птица, так птица! С такою, пожалуй, связываться не годится. Настоящая болотная царица!

Видишь, внученька, людская молва не всегда права. Плавает по болоту птица Чомга с птенцами на спине, красивая и добрая. И очень даже хорошо, что она несъедобная!

Про Никитушку-лапочку

Баю, баю, крошка, ночь глядит в окошко. Тихий сон украдкой спит в твоей кроватке. Закрывай глазенки, дорогой мальчонка!

Как в бору зеленом выросли дубочки, а у нас в поселке—все сплошные дочки. Но однажды в чудесный осенний денечек появился у Мама и Папы сыночек, Никитушка-лапочка, чуть побольше тапочка, такой хороший, такой пригожий, очень на Папу и Маму похожий.

Каждый день, только солнце встает, слышно, как Мама поет радостно и весело вот такую песенку:

—У собачки есть сынок—
Косолапенький Дружок,
И у киски есть сынок—
Серый мягонький Пушок.
И у курочки ребенок—
Желтый маленький цыпленок.
Ну, а мой—всех лучше,
Он—как солнца лучик!

Услыхала про то Старуха Завидуха, заворчала глухо, по поселку пошла, дом заветный нашла. Постучала в калитку:

—Продайте маленького Никитку!

Вышла Мама во двор, калитку не отворила. Старуху Завидуху не впустила, разговаривает через забор:

—Что ты надумала, злая старуха?

Отвечает ей Завидуха:

—Целый воз привезу вам добра, мешок золота, мешок серебра, драгоценных камней целую грудку: алмазы, яхонты, изумруды...

Но Мама в ответ только смеется:

—Счастье мое, сыночек мой, не продается! Уходи отсюда, куда цела!

Заворчала Старуха Завидуха и ушла.

Незаметно времечко пролетает, лапочка Никитушка подрастает. Он уже не маленький, он побольше валенка, рученьки-хватушечки, ножки-топотушечки, милый лопотушечка. Каждый день, только солнце встает, Мама работает и поет:

—У собачки есть сынок—
Косолапенький Дружок,
И у киски есть сынок—
Серый мягонький Пушок.
И у курочки ребенок—
Желтый маленький цыпленок.
Ну, а мой—всех лучше,
Он—как солнца лучик!

Проведала о том Баба Яга, сказала:

—Ага! Ну-ка, гуси-лебеди, летите, Никитушку найдите, ко мне принесите!

Поднялась в небо белая стая, белые крылья на солнце сверкают, к заветному дому спешат-поспешают. А Никитушка на крыльце играет. Увидел гусей-лебедей, зовет их:

—Га-га-га! Га-га-га!

Раскрошил им свой кусок пирога.

Вышла Мама, вынесла в большой лоханке размоченные хлебные корки и остатки каши-овсянки. Кормит гусей-лебедей.

—До чего же голодные вы, бедняжки! Пойду-ка, пожалуй, сварю вам еще кашки.

Белым птицам понравилось кашкой питаться да на ближней речке купаться. Не хотят они к Бабе Яге возвращаться. Ждала их, ждала Баба Яга, не дождалась, а как самой Никитушку отыскать—не догадалась.

Незаметно времечко пролетает, сыночек Никитушка подрастает. Он уже Папе и Маме помогает старательно. Ну и помощник растет, просто замечательный! И каждый день, только солнце встает, Мама весело и радостно поет:

—У собачки есть сынок—
Косолапенький Дружок,
И у киски есть сынок—
Серый мягонький Пушок.
И у курочки ребенок—
Желтый маленький цыпленок.
Ну, а мой—всех лучше,
Он—как солнца лучик!

Дошел слух до Жадины Громадины, Великой Жадины, что у нас в поселке подрастает чудесный мальчонка.

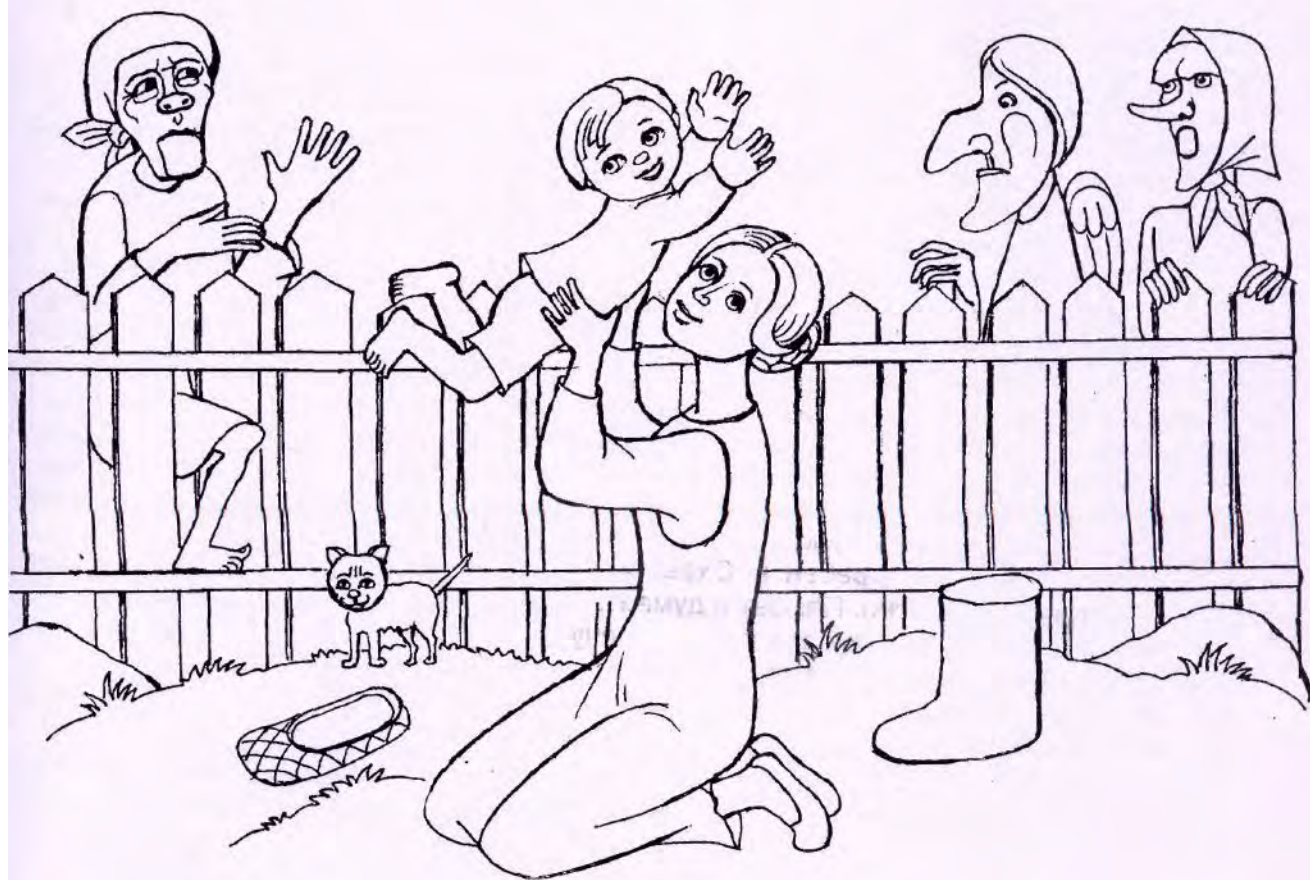
—Безобразие!—Жадина Громадина зарычала.—Как же об этом раньше я не узнала? Схватчу, утащу к себе домой. Был он Мамин и Папин, а будет мой!

К дому заветному потихоньку подкралась, через забор черною птицею перебралась. Подскочила к мальчонке, схватила жадною лапой, и вдруг оказалась носом к носу с Папой. А Папа-то ведь шутить не станет, и палки не надо—кулаком достанет!

Испугалась Жадина Громадина, Великая Жадина, задрожала, без оглядки прочь побежала.

Незаметно времечко пролетает. Папин и Мамин сыночек любимый подрастает. Погодите—вырастет из него богатырь Никита, и Маме, и Папе и всем добрым людям подмога и защита!

Вот и сказке конец, а кто слушал—молодец!

Про китишку-торопыжку

Солнце щурится из-за тучки багряной. Вечер, не спеши, спать еще рано! Мы поиграем совсем немножко, порисуем, посмотрим в окошко.

Чу! Птица Сирин волшебная прилетела, под окошком на ветку села и запела. Убираем карандаши и краски: пришло время для новой сказки.

Далеко-далеко где-то на краю света в беспокойном море-океане не повезло однажды Китихе-маме. Родился у нее китенок Том, глупый китишка-торопыжка и весьма непослушный притом. Не успел родиться—начал торопиться. Вынырнул, увидел волну.

—Скорее, скорее, а то прокатиться не успею!

Говорит ему мама Китиха:

—Малыш! Ну куда ты, куда так спешишь? Успеешь еще на волнах покататься, сначала надо молочком попитаться!

Но китенок от мамы хвостом отмахнулся, в волну нырнул, чуть не захлебнулся.

—Глупый китишка,—мама пыхтит,—ты торопишься слишком. Мы, киты, никуда не спешим. Вырастешь—тоже станешь степенным таким и большим. А пока придется тебе терпеть и учиться, чтобы ненароком в беде не очутиться.

—Мамочка, а что там такое, круглое, красное, большое, далеко-далеко, на самом краю океана? Поплывем туда!

—Так далеко плыть тебе еще рано!

Оглянулся китенок: кругом так спокойно, красиво. Под ласковым небом вдаль торопятся волны—зеленые кони с жемчужною гривой. Как будто зовут и зовут за собой в неизвестные дали. Да вот мама отпустит его туда едва ли.

Решил китенок:

—Пусть мама только уснет, я сразу на волну—и вперед!

За долгий день устала Китиха. Сказала сыночку:

—Полежи рядом со мной тихо! Я подремлю, а ты помечтай, но ни на плавник от меня не отплывай!

Да разве удержишь рядом непоседливого мальчишку, китишку-торопыжку? Уснула мама, а глупышке только того и надо—помчался навстречу солнечному закату. Ничего не видит, только к солнышку мчится, а над морем-океаном начали тучи клубиться. Волны—зеленые кони с жемчужною гривой—начали что-то сердиться. Это совсем уже не веселые кони, а громадные яростные драконы. Солнце погасло. Буревестники в небе реют.

—Спасайся,—кричат ему,—мальчуган! Уплыл ты от мамы напрасно! Идет ураган!

Но китенок Том, что такое ураган, не знает, смело в волны ныряет, на волны взлетает. Завыл тут ветер свирепо и грозно, испугался малыш—да уж слишком поздно. Поднялись волны столбом до неба, и исчез в них китенок, как будто его и не было.

...Ночь прошла. Океан утих, и ветер умчался куда-то. Остались от туч серые заплаты. Выглянуло солнышко из-за тучи, протянуло к морю свой золотой лучик. А по морю-океану плывет китенок, непослушный ребенок. Охает и плачет. Да и как же иначе? Досталось маленькому толстяку ужасно. Плывет и думает:

—Эх, уплыл я от мамы напрасно! И где это я теперь очутился? Куда меня ураган затащить умудрился? Кругом огромные белые горы. Видно, вернусь я к маме нескоро! Навстречу ему старый и мудрый Морж.

—О чем ты, малыш, слезы льешь?

—Я так торопился, так торопился, что совсем-совсем заблудился. Да еще ураган затащил меня, неизвестно куда.

—Да,—думает Морж,—вот это беда так беда! Где теперь искать китовое стадо? А помочь, конечно же, маленькому неслуху надо. Вот только стар я плавать в дальние дали, сам ему помогу едва ли.

Обратился к соседу.

—Послушай, дружище Тюлень! Помоги малышу!

А тот в ответ ему:

—Вот еще! Мне лень! Мне б на берегу валяться весь день!

Старый Морж китенку сказал назидательно:

—Придется, малыш, плыть тебе самостоятельно. Да только будь осторожным и внимательным. В океане—это тебе не в ванне, здесь и заблудиться несложно, и пропасть очень даже возможно. На одной из морских дорог поджидает тебя Осьминог. Очень любит он обниматься, да только лучше в объятия те не попадаться. И с зубастой Акулой встречаться не стоит, поверь мне—в океане страшней не отыщется зверя. Пусть минуют тебя и Акулы, и Осьминоги! Плыви, малыш! Счастливой тебе дороги!

...Давно исчезли вдали снежные горы, все теплее и теплее делается океан-море. На встречу с мамой спешит китишка Том, забавный торопыжка. Мимо проносятся пестрые рыбы стаи, там и тут тени какие-то проплывают. Но не боится китенок Том. Он еще маленький и глупый притом. То весело скачет с волны на волну, то вдруг нырнет в самую-самую глубину.

А из расщелины в скале—два огромных глаза:

—Плыви, толстячок, сюда, я тебя приласкаю сразу! Обниму крепко всеми восьмью руками, а потом покажу дорогу к маме!

Китенок—туда, но Меч-рыба ему наперерез:

—К кому ты, непутевый, обниматься полез? Это же Осьминог, разбойник морских дорог! Ну-ка, малыш, глупых рыб не смехи, сначала подумай, потом уж спеш! Поворачивай, тебе говорю, а не то мечом прокалю!

—Ох,—думает Том,—горе мне, горе! Какой я еще маленький и какое оно огромное, это море! Скорее, скорее к маме вернуться надо!

И тут вдалеке увидел китовое стадо. Обрадовался малыш, забыл обо всем на свете и, не глядя по сторонам, понесся навстречу китам, как ветер. Плывет, торопится, ничего не замечает, а его зловещие тени окружают. Окружили—и страшно рады.

Том! Оглянись! Ведь это акулы рядом!

И пропасть бы Тому-китишке, бедному торопыжке, да на выручку бросились Афадины, самые смелые, самые добрые дельфины. Разогнали зубастую хищную стаю, плывут рядом с Томом, его ругают:

—Больше, малыш, глупых рыб не смехи, сначала оглядись, а потом уж спеш!

Проводили они китенка до китового стада—и вот она, мама рядом! А что малышу еще надо?

...Годы прошли, и стал наш Том взрослым и мудрым Китом, очень важным, очень отважным, и на всю жизнь запомнил притом: чтоб глупых рыб никогда не смехить, нужно сначала оглядеться, подумать, а уж потом спешить!

Шлеп

Вот и ноченька настала. Наша Милочка устала. Положила под подушку потихонечку игрушку и забралась на кровать—спать.

—Бабушка, а где сказка?

Заря-заряница, большая озорница, раненько вставала, по лесу гуляла, траву, листву росой умывала. Слышит—просыпаются зверята, лесные ребята. Одни принимаются шалить, другие хнычут, и каждого мама по имени кличет.

Заре-зарянице, большой озорнице, захотелось порезвиться.

—Придумаю-ка я имя, положу на дорожке, может быть, попадет на глаза какому-нибудь крошке. Спутает малыш имя—вот будет потеха! Надо выдумать позабавнее для смеха.

В это время упала с елки шишка: шлеп!

—Шлеп? Отлично! Вот и имя тебе, малышка.

Медвежонок Миша, косматый комочек, по дорожке за мамой косолапо топчет. Вдруг видит: лежит и сверкает листочек. Написано: "Шлеп назовись, если хочешь".

"Красивое имя,—подумал малышка,—а то без конца только Мишка да Мишка!"

Оглянулась Медведица—медвежонок не видно.

—Мишка, бессовестный, как же тебе не стыдно? Куда ты пропал? Догоняй поскорее!

В ответ—тишина. Никто не торопится вслед за нею. Испугалась Медведица, бежит обратно. Куда подевался сыночек ее толстопятый? Видит—сидит малыш под кусточком, играет листочком.

—Ты что же, не слышишь, как я зову тебя, противный мальчишка?

—Ты Мишку зовешь, а я Шлеп, а вовсе не Мишка!

—Ах, вот как? Ты, значит, теперь уже Шлеп? Сейчас я тебе покажу, остолоп! Отшлепаю так, что забудешь про шалости вовсе!

—Нехорошее имя,—решил медвежонок и листочек на елку забросил.

...У бельчонок Чопа сегодня день рождения— исполняется ему ровно неделя. Мама Белка подарила ему с орешками шишку.

—Щелкай потихоньку да из дупла не высывайся, малышка!

А сама поскакала с ветки на ветку, с елки на елку, только хвостик мелькает рыжей метелкой.

Бельчонок Чоп высунулся из дупла—на ветке рядом сверкает листочек, написано: "Шлеп назовись, если хочешь".

—Прыгну туда,—решает Чоп.—Прыгнул—да мимо ветки, да вниз кубарем шлеп! Лежит под елкой и горько плачет. Услышала мама Белка, к сыночку скачет.

—Ах ты, непослушный мальчишка! По веткам скакать тебе рано слишком!

Схватила за шкурку зубами, в дупло унесла.

—Хорошо, что я далеко не ушла. Почему же ты не послушался мамы, сыночек?

А бельчонок Чоп показывает на листочек. Прочитала Белка.

—Глупость какая! Бельчат никогда так не называют. Не умное имя и не красивое вовсе. Давай-ка подальше листочек забросим!

...Упал листок на болотную кочку. Видно, там и останется до самой ночи. А в болоте мама Лягушка, мокрое брюшко, что делать—не знает, печально вздыхает:

—Один лягушонок—Бульк, другой лягушонок—Квак...

А третьему имя не придумает ну никак. На кочку вылезла, увидела блестящий листочек. Написано: "Шлеп назовись, если хочешь".

—А я-то уже начала отчаиваться! Лягушонок Шлеп—замечательно получается!

...Лес звездной шалью укутала ночь. Спят с мамой в болоте три славных сыночка. Спит Чоп рыжехвостый на елке в дупле, спит Мишка под боком у мамы в тепле. А утром на небо взлетает Жар-птицей, веселой и доброй, Заря-заряница и ласково

будит и птиц, и зверей:

—Вставайте скорей! Умывайтесь скорей!

Проснулись и лес, и река, и болото, а в этом болоте балуется кто-то. С кочки на кочку—шлеп, шлеп—прыгает, скачет маленький лягушонок, как зеленый мячик.

Мама Лягушка кричит:

—Шлеп! Вернись-ка обратно!

Заре-зарянице, большой озорнице, это очень приятно.

—Пускай получилось смешно не слишком, но имя придумала я малышке!

Про бедную овечку

Сон и Сказка—брат с сестрой—вместе жили за горой и, когда спускался вечер, дружно шли ему навстречу. Ляжет Танечка в кровать—будет Сон и Сказку ждать.

У овечки Любки красивая шубка, точеные ножки в копытца обуты, только вот гулять ей скучно почему-то.

Вышла во двор—и носом к носу повстречалась с веселым Барбосом.

—Давай с тобой подружим немножко, вместе побегаем по дорожке!

—Гав!—согласился щенок белобрюхий и легонько куснул овечку за ухо.

Любка—в крик:

—Бе-е-еда! Бе-е-еда! Хозяйка, бе-е-еги скорее сюда! Меня укусил щенок этот скверный, его накажи, накажи примерно!

Хозяйке овечку бедную жалко, хозяйка бежит с огромною палкой.

А Любка все громче:

—Бе-е-еда! Бе-е-еда!

Подумал Барбос:

—Ты не подружка, а ябеда! Не буду играть с тобой никогда!

У овечки Любки красивая шубка, точеные ножки в копытца обуты, только вот гулять ей скучно почему-то.

Слоняется Любка одна по двору, а поросята в луже затеяли игру. Выскочила из лужи хрюшка Марфушка. Овечка—к ней поскорей.

—Давай с тобой подружим немножко, вместе побегаем по дорожке!

—Хрю!—согласилась беспечно Марфушка и бок пяточком почесала подружке.

Любка—в крик:

—Бе-е-еда! Бе-е-еда! Хозяйка, бе-е-еги скорее сюда! Запачкала шубку противная хрюшка, скорей накажи, накажи Марфушку!

Хозяйке овечку бедную жалко, хозяйка бежит с огромною палкой.

А Любка все громче:

—Бе-е-еда! Бе-е-еда!

Решила Марфушка:

—Ты не подружка, а ябеда! Не буду играть с тобой никогда!

У овечки Любки красивая шубка, точеные ножки в копытца обуты, только вот гулять ей скучно почему-то.

Бредет и видит: под липой тенистой лениво дремлет котенок пушистый, котенок Васька, хитрая мордашка.

—Давай, подружим с тобой немножко, вместе побегаем по дорожке!

Васька махнул согласно лапой—и Любку нечаянно оцарапал. Любка—в крик.

—Бе-е-еда! Бе-е-еда! Хозяйка, бе-е-еги скорее сюда! Васьки кота нет противней и злее, его накажи, накажи поскорее!

Хозяйке овечку бедную жалко, хозяйка бежит с огромною палкой. А Любка все громче:

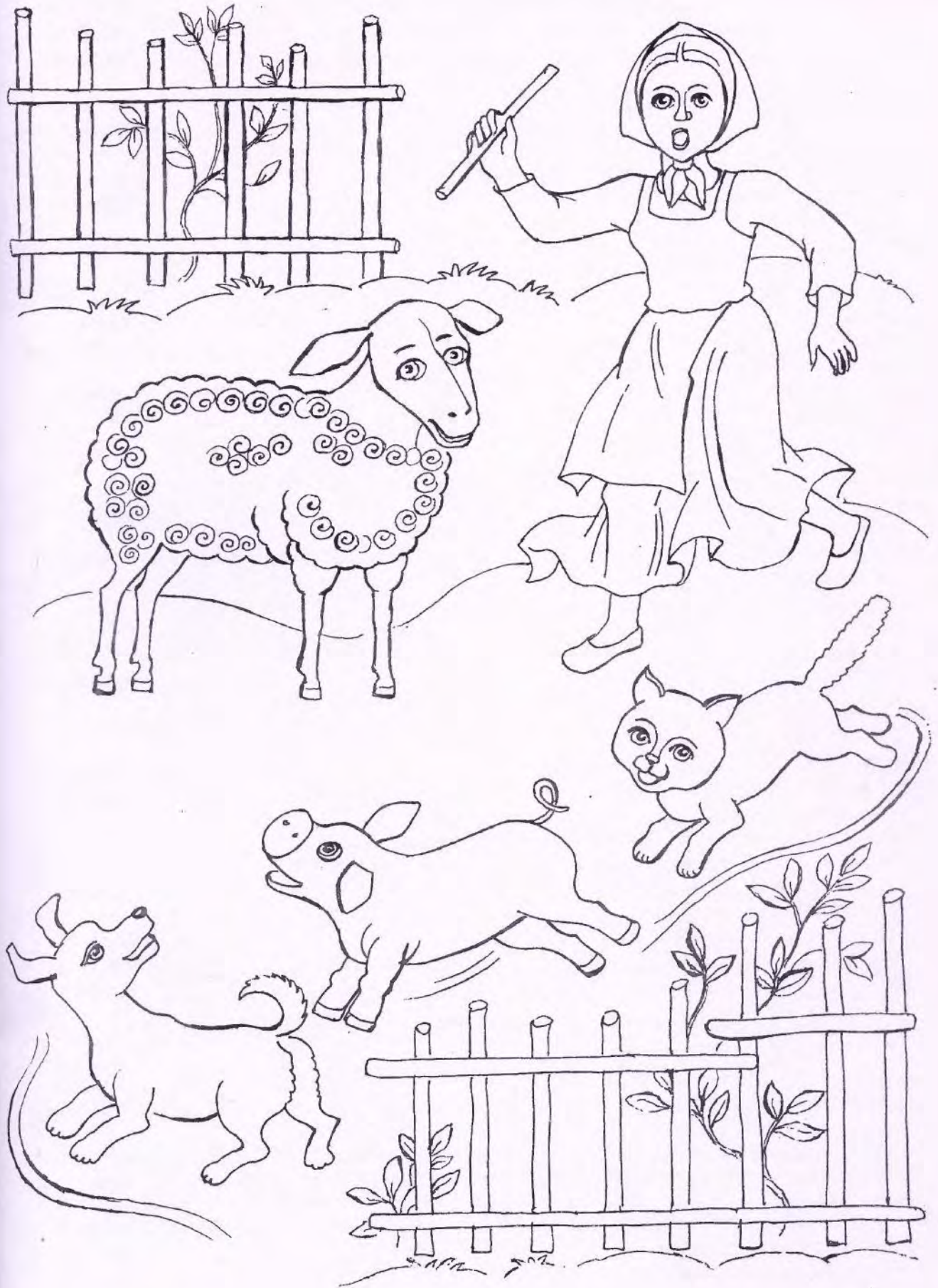
—Бе-е-еда! Бе-е-еда!

Мяукнул котенок:

—Ты не подружка, а ябеда! Не буду играть с тобой никогда!

У овечки Любки красивая шубка, точеные ножки в копытца обуты, только вот гулять ей скучно почему-то. И в чем тут дело—понять не может. Может быть, кто-нибудь ей поможет?

Про шуршиков

Осень, сказочная птица, снова в окна к нам стучится, и опять печальный вечер выплывает ей навстречу. Потихонечку темнеет. Сказка приходи скорее!

В старом парке, притихшем парке разожгла Осень костер свой нежаркий. На одном дереве листья—золотые ладошки, на другом—красные, на третьем—всего понемножку. И светло, и празднично—просто диво. Так бы Осень из парка и не уходила. А Зима на лапах холодных крадется и над Осенью потихоньку смеется.

—Застужу, заморожу твою красоту! Ветры хмурые листья с деревьев сметут. Нагоню я скоро снежные тучи—опадет красота в безобразные кучи.

Стали плакать деревья, роняя листья-ладошки, устилая золотом траву и дорожки. Полежат листочки—и зашуршат, зашуршат, словно гномы-малютки их ворошат.

В старом парке, волшебном парке уронила Малышка свой мячик яркий. Топ-топ-топ затопали ножки к куче листиков у дорожки. Присела девочка, к мячику наклонилась—а листики вдруг зашуршали, зашевелились. Мелькнули в них весело желтая рубашка, красная шапочка, забавная мордашка.

—Ой, кто ты?—прошептала Малышка.—Вроде бы человек, да маленький слишком.

—Я шуршик!—прошелестел человек.—Я очень рад неожиданной встрече. Не бойся, Малышка, я тебя не обижу. Всех злых и противных я сам ненавижу.

—Ты маленький и добрый, и значит, ты не возьмешь мой красивый мячик.

—Ты что, шутишь?—прошелестел шуршик.—Да я его к тебе подкачу лучше.

Взяла Малышка мячик, а уходить не хочется, не хочется ни играть, ни к маме ворочаться.

—Шуршик, я не хочу бегать по дорожке. Давай с тобой поговорим немножко. Кто ты такой? Зачем? Почему? Хочешь, тебя я на ручки возьму?

—Что ты, что ты!—шуршик перепугался и поглубже в кучу листьев забрался.

—Ну тогда мне к тебе можно? Я на коленках подползу осторожно.

Шуршик вздохнул:

—Не стоит, крошка. Встань-ка лучше на ножки и листик желтый возьми в ладошки. К глазам подноси его ближе и ближе...

—И что случится?

—Сама увидишь.

Подносит послушно Малышка листок в ладошках, а он делается все больше и больше. Стал огромный такой, аж все вокруг пожелтело, завертелось, куда-то полетело. Голова закружилась, закрыла глаза Малышка, а когда открыла—рядом стоит мальчишка, желтая рубашка, красная шапочка, забавная мордашка.

—Как ты вырос! Красивый, как на картинке.

—Я не вырос, это ты стала маленькой, как шуршилка. Дай мне руку, пойдем под землю со мною, я великую тайну тебе открою.

—А там не страшно?—спросила Малышка, все глубже и глубже зарываясь в листья.

...В старом парке, в печальном парке Черный Ворон тревожно закаркал. Ищет, ищет Малышку мама, а та все дальше уходит упрямо, золотым коридором под землю все глубже. Великая тайна ей голову кружит.

В огромной пещере—шуршащие стены. Они из листьев осенних, наверное. Шуршащие стулья—двигай не двигай, на шуршащих столах—шуршащие книги. За столами шурши сидят с умным видом. А на полу шуршики и шуршилки играют в листики и дразнилки. Увидели девочку—испугались, под столы к папам и мамам забрались. А те все читают с умным видом, ничего не слышат, ничего не видят.

Шуршик все дальше уводит Малышку, в маленькой дверце отодвигает задвижку, ведет коридором, узким и темным, и вот они в комнатухе перед шуршем огромным.

—Поклон тебе низкий, Мудрый Шуршило!

—Здравствуй, пра-пра-пра-правнучек! Где это тебя носило?—И вдруг закричал голосом удивительно тонким:

—Зачем ты привел к нам эту девчонку? Нашел у людей ее? Только не лги! Ты знаешь, что люди—наши враги.

—Дедуля, послушай меня хоть немножко. Она человек, но право же, крошка. Ты можешь ей все говорить без опаски.

—А если расскажет?

—Подумают—сказка.

Надолго задумался Мудрый Шуршило. В голове у него зашуршало, зашеборшило.

—Ну, ладно. Садитесь ко мне поближе. Дайте мне самую толстую из книжек. Слушай, Малышка, как это было.

...На далекой планете солнце печально всходило. Не на радость всходило оно, а на горе: громадный дракон Сток поселился в море. У дракона Стока голов не счесть, и в каждой зубастой пасти своя отравка есть. Но шурши—веселый, беспечный народ. "А!—думают,—пусть себе живет!" Отравой стала вода на планете. Первыми заболели маленькие дети. Тут уж шурши решили со Стоком сразиться. Да надо же было другой беде приключиться: в небе появился еще один дракон—Глот, воздух глотает, растет и растет. Задыхаясь, построили шурши ракеты и улетели на другие планеты.

—Так мы на Земле очутились, Малышка,—сказал Мудрый Шуршило, закрывая книжку.—Но Земля оказалась недоброй планетой—люди свою доброту потеряли где-то. Убивают птиц, и собак, и кошек—где уж им пожалеть шуршиков-крошек! У людей какие-то злые законы. Может быть и у них появились драконы?

—Я не знаю,—сказала Малышка.—Я хочу к маме, я устала слишком.

...В старом парке, угрюмом парке появился милиционер с собакой-овчаркой. Солнце забралось в лохматую тучу, спать устраивается получше. Скоро на парк темнота упадет. Неужели Малышку никто не найдет?

Подбежала собака к кучке листиков у дорожки. Чьи же это торчат красные сапожки? У милиционера сердитый вид.

—Ее тут ищут-переищут, а она в листьях спит!

Взяла мама на руки дочку, а та все что-то бормочет:

—Не надо Глота! Не надо Стока! Шуршики, я не буду жестокой!

...Подросла моя Малышка и давно уткнулась в книжки. Но лишь Осень в старом парке разожжет костер нежаркий, лист на землю упадет—шуршиков искать идет.

Про хрюшку Марфушку

Бабочки за день устали и мошки, и муравьишки устали немножко. В травке кузнечики спят и жучки. Скоро зажгут фонари светлячки.

Зорька вечерняя, тихая, добрая шепчет: "В кроватку ложись поудобнее! Я засыпаю—и ты засыпай! Баюшки-бай!"

Маленькая хрюшка Марфушка—нос смешным пяточком, хвостик забавным крючком—была большая фантазерка и врушка. Такого навидумает, такого нараскажет, чего на свете даже и быть-то не может:

—Я видела козленка, у которого восемь ножек!

Хрюшкина мама Хавронья от смеха завалилась на грядку. Пес Барбос прикрыл лапой нос и смеется украдкой. Смеются козлята, смеются котята, смеются курицы и цыплята. Теленок мычит и весело скачет. И только Марфушка горько плачет:

—Хрю-хрю-хрю! Я правду говорю!

Однажды утром спросила Хавронья сердито:

—Ты опрокинула, дочка, корыто?

А Марфушка в ответ:

—Не делала я такого! Ночью у корыта видела я большущего дракона.

Смотрит мама Хавронья на дочку печально:

—Ты бы лучше уж помолчала! Платье—в картошке, в морковке—ножки, на пяточке—хлебные крошки. Ты, Марфушка,—большая врушка. Нужно правду говорить всегда, а то может приключиться беда.

Но глупышка плачет:

—Хрю-хрю-хрю! Я правду и так говорю!

Дни пролетают, как добрые птицы. Вот уже осень в ворота стучится. Все так же смеются подружки над хрюшкой:

—Наша Марфушка—нос смешным пяточком, хвостик забавным крючком—большая врушка!

Днем осенним, холодным, ненастным приключилось с Хавроньей несчастье. Заболела, как видно, тяжело: не встает и стонет бедняжка.

Испугалась Марфушка немножко, побежала к пушистой Кошке:

—Тетя Кошка! Мама моя заболела!

Та в ответ ей:

—Слушать тебя надоело! Опять придумываешь, что попало. Ты, Марфушка,—известная врушка!—И в дом убежала.

А Хавронья уже еле дышит, ничего не видит, ничего не слышит. Заплакала хрюшка, побежала к собачьей будке:

—Дядя Барбос, приди к нам на минутку! Заболела мама, встать не хочет.

А Барбос на спину упал, лапами машет и хохочет.

—Ой, не могу! Ой, забавная хрюшка! Да кто же тебе поверит, Марфушка! Знает весь двор—ты врать мастерица. Надо б тебе от вранья полечиться!

—Хрю-хрю-хрю! Я правду говорю!

А пес Барбос знай себе хохочет, ничего слушать не хочет. Плачет Марфушка, твердит упрямо:

—Ой, умрет же, умрет моя мама!

Но тут во дворе появилась хозяйка.

—Что плачешь, малышка? Иди, поиграй-ка! Опять над тобою смеются, глупышка? Что делать? Уж видно завралась ты слишком.

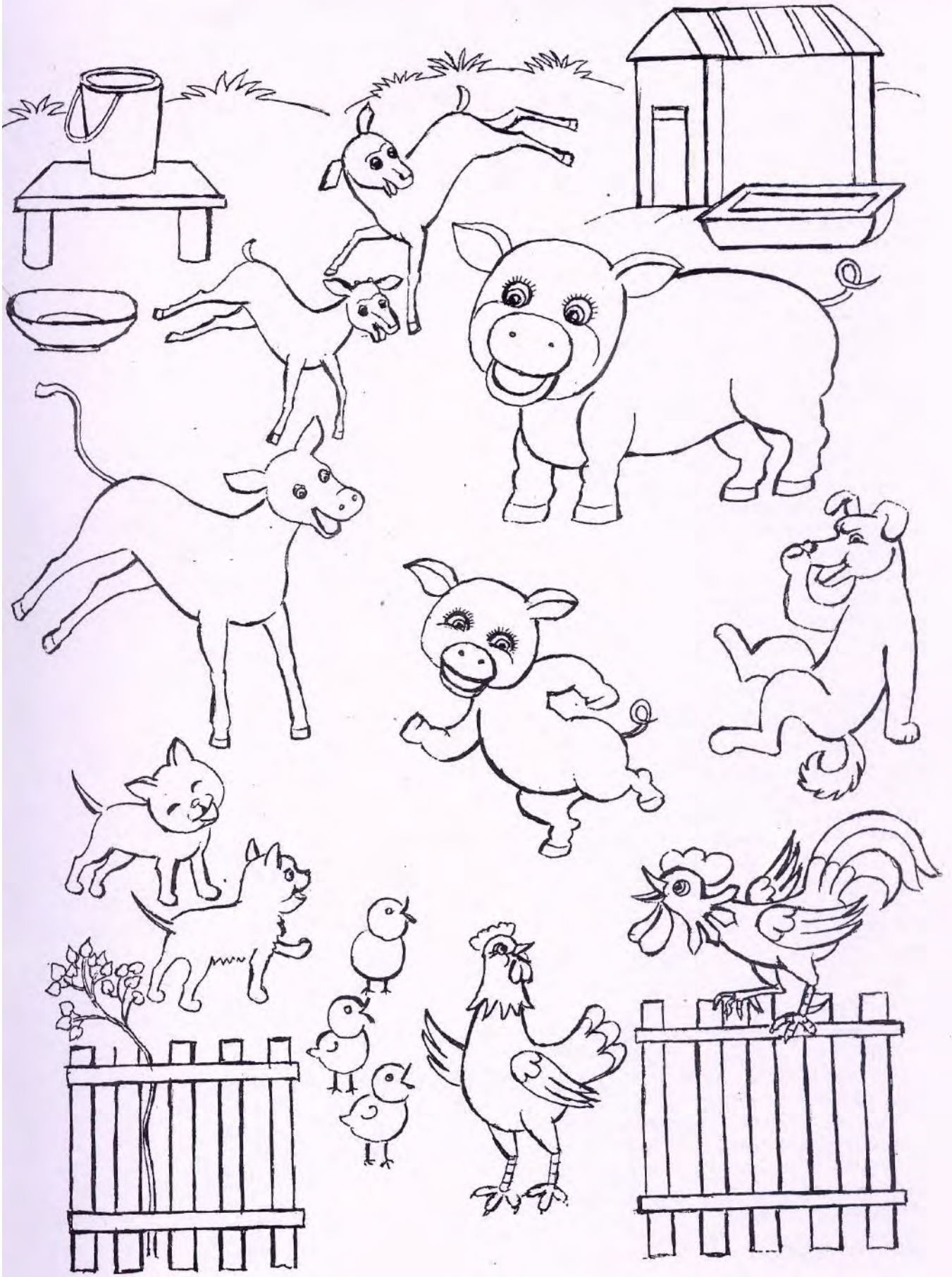
—Хрю-хрю-хрю! Я правду сейчас говорю! Умирает мама, лежит и не дышит, ничего не видит, ничего не слышит.

К сараю бегом побежала хозяйка.

—А ну-ка, Марфушка, давай, помогай-ка! Будем лечить твою маму Хавронью, станет веселой она и здоровой.

Поправилась быстро Хавронья и знает, что дочку теперь во дворе уважают. Спасла свою маму веселая хрюшка—нос смешным пяточком, хвостик забавным крючком—хрюшка Марфушка, давно уж не врушка. А если захочет развлечься малышка—придумает сказки, хоть целую книжку!

Как енот Ефим ворона проучил

Дремлют куклы в уголке, спят на полке книжки. Сон погладил по щеке мамину малышку. В доброй, чуткой тишине спи и подрастай во сне!

Глазки закрываются—сказка начинается.

Зорька летняя в речке купалась, платье алое полоскала, на кустах ракиты сушила, день веселый будить спешила.

А у заводи под кусточком, на березовом на пенечке енот Ефим, ворчун и нелюдим, рыбку удил. Поймает—и бросит, не глядя, в ведро:

—Хороша рыбалка, здорово повезло!

А ворон Архип из-за кустика—шмыг, и рыбка исчезла в тот же миг.

Собрался Ефим домой на обед, в ведро заглянул—ничегошеньки нет!

—Странно,—ворчит,—и непонятно! Как же сбежала рыбка обратно?

Отбросил ведро, хоть и было жалко:

—Завтра с другим приду на рыбалку!

Сердитый енот по дорожке бредет, ворчит и бормочет. А ворон Архип на елке сидит, довольный хохочет:

—Хороша рыбка! Молодец, Архипка!

И вот уже снова заря-заряница купается в чистой речной водице. А енот Ефим, ворчун и нелюдим, с удочкой сидит. Поймает рыбку—в ведро кладет аккуратно и носом к речке поворачивается обратно.

А ворон Архип из-за кустика—шмыг, и рыбка исчезла в тот же миг.

Тащит вторую рыбку Ефим—пустое ведро стоит перед ним. И так раз за разом, ну просто беда—улов исчезает весь без следа!

Енот проворчал:

—Тут ведро ни при чем!—и вдруг оглянулся через плечо. Солнце блеснуло Ефиму в глаза—ну ничего разглядеть нельзя!

—Чернеет в кустах или только мерещится?

Вдруг чувствует: рыбка на удочке плещется. Скорей за работу! Скорей за работу! Оглядываться некогда еноту!

А ворон Архип из-за кустика—шмыг, и рыбка исчезла в тот же миг.

И снова добычу тащит Ефим—и снова пустое ведро перед ним. Голодный енот по тропинке спешит с единственной рыбкой и тихо ворчит:

—Чтоб все разглядеть наверняка, завтра приду я в черных очках!

А ворон Архип на елке сидит:

—Хороша рыбка! Молодец, Архипка!

Заря умывает румяные щеки и шепчется с ветром в деревьях высоких. А енот Ефим, ворчун и нелюдим, в черных очках на речке сидит. Ведерко стоит далеко, но не слишком, чтоб сразу увидеть лихого воришку. Веревка к ведерку привязана крепко и около Ефима за ветку.

Вот первая рыбка в ведерко упала, но удит енот, как ни в чем не бывало. А сам осторожно глядит из-под лапы—ох, попадетса разбойник пернатый! В черных очках Ефим не напрасно. Смотрит он, смотрит—и видит прекрасно, как ворон Архип из-за кустика—шмыг, и рыбка исчезла в тот же миг.

—Ну, ладно,—бормочет Ефим сердито,—сейчас проучу я лесного бандита!

Рыбка в ведерко упала с размаха. Архип—за ней, не ведая страха. Енот Ефим следит за ним. Ворон—в ведро, а Ефим—за веревку. Дернул—ведро опрокинулось ловко. Лапы вороны крепко прижало—вся храбрость разбойничья сразу пропала.

—Караул!—хочет крикнуть Архип, а слышен какой-то неясный хрип.—Кар-р-р!—а дальше никак, хоть лопни: застряла рыбка у ворона в глотке.—Кар-р-р! Кар-р-р!—кричит он и бьется, в лапы Ефиму никак не дается. Вырвался из-под ведра еле-еле и, чуть живой, уселся на ели.

А Ефим кричит ему снизу:

—То-то! Не будешь рыбку таскать у енота!

Время прошло, но который уж год черных очков не снимает енот. А ворон все так же частенько с испуга: "Кар-р-р! Кар-р-р! Кар-р-р!"—кричит на всю округу.

Про вкусненькое

Не шуми ты, ветер, за окошком, не шурши листвою по дорожкам, под кустом озябшим спать ложись, в золотые листья завернись! Малышам скорее сон пошли, сказкою осенней одари!

На краю деревушки в небольшой избушке у лесной опушки жили да были у Марфушки-старушки важный кот Фагот и красавица кошка Крошка. Дружно жили, мышей ловили, котят растили, да вот беда—без спросу полакомиться чем-нибудь вкусненьким любили всегда. Кусочек колбаски на столе Марфушка оставит, отвернется—вмиг его не станет. Котлетку себе на тарелку положит, отойдет за хлебом, сядет за стол—котлетку найти не может.

А кот Фагот по деревне идет, гладит свой толстый живот, хвалит себя и подружку Крошку:

—Смелые мы и ловкие кошки!

Но соседские коты не завидуют Фаготу отчего-то.

—Ты, Фагот, радуешься напрасно. Ты же знаешь прекрасно: сколько веревочке ни виться, а кончику все равно появиться!

...Ждала старушка Марфушка в гости внучат:

—Прибегут голодные, ложками застучат. Внучата мои—моя отрада. Что-нибудь вкусненькое приготовить надо!

Пирогов с мясом напекла целое блюдо, на стол поставила, вышитым полотенцем накрыла и решила прилечь, отдохнуть покуда. И уснула.

А Фагот и Крошка с лавки на стол—и пир пошел. Наелись досыта и запас утащить сумели, спрятали все, что не съели.

Прибежали внучата—и скорей к столу. А там только пустое блюдо и крошки на полу.

Старушка Марфушка ругает ребят:

—У вас от обжорства животы заболят. Всухомятку сжевали пирогов целое блюдо! Я бы чай вскипятила, варенье достала, красивую посуду!

А внуки в ответ:

—Мы твои пироги не ели!

Заплакали—и к двери. Ушли от бабушки обиженные внучата. Марфушка ворчит:

—Пусть идут! Пусть не обманывают! Сами виноваты!

А кот Фагот по деревне идет, гладит свой толстый живот, хвалит себя и подружку Крошку:

—Смелые мы и ловкие кошки!

Но соседские коты не завидуют Фаготу отчего-то:

—Ты, Фагот, радуешься напрасно. Ты же знаешь прекрасно: сколько веревочке ни виться, а кончику все равно появиться!

... Расстроилась старушка Марфушка, захворала, капли валерьянки достала, накапала, выпила, не закрыла, на столе забыла. Ушла к соседке.

А Фагот и Крошка залезли в окошко, на стол заскочили, пузырек уронили.

—Ох, как вкусно пахнет!—Лизнули и обо всем на свете забыли. Вылизали все до капли последней и, шатаясь, отправились погулять по деревне.

Кот Фагот по улице еле-еле бредет, тащит за собою красавицу Крошку.

—Во, к-к-какие мы л-л-ловкие к-к-кошки!

Но соседские коты не завидуют Фаготу отчего-то.

—Ты, Фагот, радуешься напрасно. Ты же знаешь прекрасно: сколько веревочке ни виться, а кончику все равно появиться!

Под первым же кустом завалились кот и кошка, Фагот и Крошка, и захрапели во всю гармошку.

...В небе ночь расстилает из звезд покрывало, тишина на деревню тревожно упала. А в ночной темноте и в тревожной тиши кто-то страшный из леса в деревню спешит—

злая ночная старуха лесная, Старуха Хватуха, ненасытное брюхо. У густого куста задержалась немножко и в мешок подхватила Фагота и Крошку. Потасила в лес под лохматую елку. Проснулись кот и кошка—да что толку? Просят, умоляют:

—Простите нас! Отпустите нас!

А Старуха Хватуха в ответ:

—Ну, нет! Об этом и речи быть не может! Очень уж я вкусненькое люблю, особенно жаркое из кошек!—До лохматой елки дотащилась, под ветки повалилась.—Ох, устала я, заболели мои ножки, да и сыта к тому же. Лягу, отдохну, а вы в мешке полежите немножко!

...Золотой рассвет разорвал темноты покрывало. Старушка Марфушка в своей избушке на краю дереvушки проснулась и встала. Вышла на улицу, кличет любимых кошек, ищет их повсюду, а найти не может. В лес зашла, зовет, зовет, да все без толку.

А на дереве птица Иволга в сарафанчике желтом. Пожалела старушку, решила довести до косматой елки. Замяукала отчаянно—ну прямо кошка! Услыхала Марфушка и засеменила за ней по дорожке. Вопли кошачьи ведут Марфушку в нежить лесную, в чащобу глухую.

А вот и елка, громадная, лохматая, под которую Старуха Хватуха запряталась. Спала она, да проснулась от воплей кошачьих. Слышит—под елкою кто-то шарит.

—Кто это там? Подойди-ка поближе! Я, Хватуха, старуха лесная, ночная, днем ничего не вижу!

Но Марфушка мешок ухватила—и ходу, что было силы! До опушки дошла, мешок развязала, Фагота и Крошку достала, на землю их опустила. А те дрожат от испуга, прижавшись друг к другу.

—Мы перед тобой виноваты очень. Это мы пироги стащили. Накажи нас, как хочешь! Но только прости, отнеси поскорее в деревню к людям, мы больше никогда-никогда ничего вкусненького без спросу брать не будем!

Вернулись домой к старушке Марфушке важный кот Фагот и красавица-кошка Крошка, поумневшие немножко. Будут ловить мышей и растить котят-малышей.

А Марфушка пирогов напекла, понесла их внучатам.

—Ешьте, мои дорогие! Это кошки были во всем виноваты! Только больше они уже ничего не утащат. Ну а вы приходите ко мне почаще!

Про скворушку Егорушку

Милый добрый гномушка, Угомон-Угомонушка, приходи к нам поскорей с новой сказкою своей! Все игрушки спят на свете, спят давно в кроватках дети. Потерялся Милин сон. Помоги нам, Угомон!

Не далеко и не близко слишком жил в нашем городе скверный мальчишка. Ни с кем не дружил, изнывал от скуки, глупая головушка, недобрые руки. Игрушку подарят—сломает скорее, котенка увидит—хватает за шею, камнями кидается в птиц и собак. Прохожий окликнет—покажет кулак.

Глупый Валюха, голова два уха!

Жаркое лето царит в огороде. Скворцы из скворечника деток выводят. Скворушка Егорушка, шелковое перышко, им кричит:

—Смелее, детки! Из скворечника на ветки и за мамою вперед—в небо и на огород! Там букашки, червячки, аппетитные жучки ждут, когда вы их съедите. Ну, летите же, летите! Что за детки! Молодцы! Будут добрые скворцы!—И поет, заливаясь скворушка, скворушка Егорушка, шелковое перышко.

В огород заглянул мальчишка.

—Эх бы, мне бы пальнуть в скворчишку!

Мимо шла старуха Злолюба, оскалила в улыбке кривые зубы, в кармане пошарила и украдкой сунула в руку мальчишке рогатку.

—Камней набери и стреляй хоть до ночи. Всех перебьешь, если только захочешь!

Глупый Валюха схватил рогатку и давай стрелять во всех птиц по порядку.

—Промазал, промазал... Ура! Попал!—и по грядкам к скворчонку упавшему побежал.—Я—охотник, а это—добыча!—И в подбитую птичку палкой тычет.

Увидела Мама у Вали скворчишку.

—Что ты наделал, гадкий мальчишка! Как ты посмел рогатки коснуться? Улетят скворцы, улетят навсегда и не вернуться. Не будет ни ягод тебе, ни морковки—жуки, червяки с ними справятся ловко. Глупый Валюха, голова два уха!

Подняла Мама подбитую пташку.

—Попробую вылечить эту бедняжку. Пока не поправится бедный скворчишка, сидеть будешь дома, противный мальчишка!

Скворушка Егорушка, шелковое перышко, на ветвях березы звонкой горько оплакивает скворчонка, убивается, в дальнюю дорогу со всей семьей собирается.

В маминых добрых руках оживает скворчишка. Старается, помогает Маме лечить его сынишка. А скворцы уже собираются в стаи, видно, со дня на день в дальние края улетают.

Вышел Валюха на крыльцо, вынес скворчонка в ладошках.

—Давай, собирайся и ты в путь-дорожку! И крылышко зажило, и лапы. Лети, догоняй маму-скворчиху и скворца-папу!

Скворцы улетели—и осень настала. На улице сумрачно, холодно стало. А там и зима, словно белая кошка, погладила снежною лапой окошко. Ударил мороз—и пришли холода. Тревожится Валя:

—Но, Мамочка, это ведь не навсегда?

Ответила Мама:

—Не знаю, сынишка. Зачем ты стрелял из рогатки в скворчишку? Обидел ты скворушек наших напрасно. Дорогою дальней, нелегкой, опасной они прилетают из теплого края и песней веселой весну призывают. Скворцы запоют—и травинки проснутся. Да вот захотят ли к нам птицы вернуться? Эх ты, Валюха, голова два уха!

Вздыхает мальчишка: зима-то не шутит, то стужей скрипит, то метелью закрутит. Давно надоели и санки, и лыжи. Торопит Валюха:

—Весна, приходи же!

Но только весеннее солнце проглянет, снега ручейками в канавы потянет,—зима на-

гоняет лохматые тучи, на землю кидается снегом колючим.

... Роняют сосульки веселые слезы, и новый скворечник висит на березе. Валюха над ним потрудился, аж взмок, и Папа, конечно, сынишке помог. И дни ожидания вновь потянулись. Пора бы весне, да скворцы не вернулись. Нигде их не видно, обиделись, значит. Стоит под березой мальчишка и плачет.

—Скворушка Егорушка, шелковое перышко! Ты прости меня, прости, поскорее прилети! Я давно уже не гадкий, я сломал свою рогатку, никого не обижаю, Маме с Папой помогаю. Стану я еще добрей. Прилетай же поскорей!

Эх ты, Валюха, голова два уха!

Поднял голову мальчишка—а на дереве скворчишка. Рядом скворушка Егорушка чистит шелковое перышко. Запели скворцы—и деревья проснулись, и к солнцу травинки, спеша, потянулись. Отправились по своим делишкам жучки-солдатики и муравьишки. И горы расстались с рубашкою снежной, и первый цветок появился—подснежник.

Про ворчунишку

—Куда ты бежишь, Мышка-норушка?

—Бегу за сказкой для своей подружки!

—Мы тебе у норки кусочек сыра положим—принеси сказку и для нас тоже!

В сказочном царстве, в далеком государстве у Царя-батюшки, у Царицы-матушки, у семи нянек-доглядок (чтобы во всем был порядок!) подрастал царевич Никита, Никишка-ворчунишка, любимый царский сынишка.

Уж и все-то его уважали, уж и все-то его ублажали, а он только утром с постели встанет—сразу ворчать станет.

—Ну вот, опять за окошком ветер! Ну вот, солнышко плохо светит! Ну вот, опять надо одеваться и мыться и со всеми за стол садиться!

Говорит ему Варварушка, любимая нянюшка:

—И что ты, Никита, вечно такой сердитый? Ворчишь, ворчишь. Не перестанешь—скоро дедом станешь, Никишка-ворчунишка!

Отмахнулся от нее царевич Никита, слушать не хочет, ворчит и ворчит с утра до ночи. Надоели царевичу все игрушки.

—Фу, какой противный колпак у Петрушки! А Медведь весь облез и похож на подушку! Ванька-встанька качается влево и вправо—тоже, подумает, велика забава!

Забросит игрушки в угол, сидит надутый и хмурый, да еще и нянюшку любимую обзывает дурой.

Пойти погулять—и то без ворчания не получается: то кафтан не застегивается, то сапог не надевается.

Говорит ему Матушка-царица:

—Вечно ты, Никита, ходишь сердитый. Ворчишь, ворчишь. Не перестанешь—скоро дедом станешь, Никишка-ворчунишка!

Отмахнулся от нее царевич Никита, слушать не хочет, ворчит и ворчит с утра до ночи. Вечер подкатится мирно и тихо. В кухне закончит свой день повариха. Дворник метлу в уголок уберет. Всем отдыхать наступает черед.

Батюшка-царь с наступлением ночи спать провожает родного сыночка. Нянюшки сажают его на кровать, нянюшки станут его раздевать, а Никишка ворчит без передышки:

—Перинка пуховая—не новая, простынка шелковая—не новая, подушки расшитые—не взбитые!

Говорит ему Батюшка-царь:

—Эх, Никита, Никита, вечно ты надутый, сердитый! Ворчишь и ворчишь. Берегись! Не перестанешь—старым дедом станешь, Никишка-ворчунишка!

Отмахнется царевич, слушать ничего не хочет, ворчит себе с утра до ночи.

Однажды, хмурый и, как всегда, сердитый спустился в дворцовый подвал Никита. Семь нянек-доглядок не доглядели, они на крылечке дворцовом сидели и пели.

Крутым коридором в подвальную жуть царевича ноги насильно несут до каменной двери, зловещей, забытой, но в данный момент почему-то открытой. Туда и заходит царевич Никита. Там сыро и мрачно. Там факел горит. Громадный Паук в паутине сидит.

Пробрала Никиту холодная дрожь, и зубы зацокали, как в лихорадке.

—Иди-ка поближе! Чего же ты ждешь?

—Отстань от меня! Ты противный и гадкий! Тебя прикажу я убить, уничтожить!

—Меня уничтожить? Попробуй, не сможешь!

Паучьи глаза налились красным светом.

—Ты, глупый, еще пожалеешь об этом! А впрочем, за злость, за ворчливость такую я все же, царевич, тебя поцелую!

И хочется крикнуть Никите: "Не надо!", да тело уже наливается ядом. Схватили Никиту лохматые лапы и вышвырнули из подвала обратно.

Семь нянек-доглядок с крыльца соскочили, на руки царевича подхватили, заплакали, заголосили. Выбежала Варвара, Никишку у них отобрала, обняла, поцеловала.

Очнулся царевич, видит—от паука освобожден.

—Какой мне, нянюшка, сон ужасный приснился!

—Успокойся, Никишка, твой сон не сбудется, все пройдет, все позабудется!

...Печальные потянулись денечки. Царевич Никита сидит в уголке, вздыхает и охает—впрямь старичок. Ворчать перестал. Все молчок да молчок. И вдруг замечает в испуге Варвара: лысеет царевич, зубов стало мало, согнулся дугою и—вот ведь беда!—седая растет у него борода.

Царь-батюшка с горя готов удавиться, в истерике бьется и плачет Царица, все царство охвачено страхом великим. Ребенок-старик? Да ведь это же дико!

И толпы врачей, неизвестно откуда, толкуются в покоях в надежде на чудо. Они только дружно руками разводят, болезни названия не находят. А если расспрашивать станут Никиту—от всех отмахнется царевич сердито иль крикнет в ответ им испуганно вдруг:

—Паук!

Давно во дворце паутины не стало. Прислуга на страже с метелками встала, и лишь забредет паучишка какой—в атаку бросается дружной толпой.

А царевичу очень уж плохо, совсем не ест, не пьет, только охает. Руки болят, ноги болят, врачи с постели вставать не велят. Дряхлый-предряхлый, старый-престарый. Бедный Никишка, что с тобой стало!

Царь с Царицей плачут, убиваются, нянюшка Варварушка в монастырь собирается. Только вспомнилось вдруг Варваре, как нашли царевича у подвала.

—Загляну в подвал, уж не там ли лихо какое таится?

Поторопилась в подвал спуститься. До заветной двери добралась, открыть ее собралась—да не тут-то было, не хватило силы. Подумала Варвара—и дверь перекрестила.

Дверь застонала—и распахнулась. Зашла Варвара—и ужаснулась. Там сыро и мрачно. Там факел горит. Огромный Паук в паутине сидит.

Паучьи глаза налились красным светом.

—Зачем ты пришла? Пожалеешь об этом!

Все ближе и ближе Паук подступает. Варвара все громче молитвы читает.

—Исчезни, изыди, нечистая сила!—с молитвой чудовище перекрестила.

Тут что-то заохало, что-то завыло и что-то, шипя, унеслось из подвала. Варвара на скользкие плиты упала.

Очнулась она только вечером поздним. На небе мерцали холодные звезды. Она по двору побрела еле-еле, в покои зашла, добралась до постели.

А утром, лишь солнце пробилось сквозь тучи и бросило наземь свой солнечный лучик, в кроватке проснулся царевич Никишка, совсем не старик, а обычный мальчишка.

И радости в царстве не стало предела, все царство сто дней и плясало, и пело, звенела от песен небесная ширь. И только Варвара ушла в монастырь.

... Дружок мой хороший, любезный Никита! Пусть сердце для радости будет открыто! Надутым и хмурым ходить не годится. Не надо ворчать и не надо сердиться! Ты радуйся каждой зеленой травинке, веселой ромашке, хрустальной росинке! Ты радуйся ветру! Ты радуйся свету! Тогда никакая нечистая сила тебя одолеть не сумеет, мой милый!

Как воробушек Сашка ангиной болен

За окном синее вечер. Вот и ночь недалече—закрывай же глазки! Пусть, как ласковая песня, сон придет к тебе чудесный—и начнется сказка!

Не на море-океане, не на острове Буяне, не за тридевять земель—в старом городе под крышей, там, где трубы жаром дышат, прожил зиму воробей—воробушек Сашка, серая рубашка, пестренькая спинка, в клювике смешинка.

Он хотел, чтоб весна пришла поскорее—а морозы все злее и злее. Он мечтал о жарком и радостном лете—а его пронизывал ветер.

Но однажды проснулся наш воробьишка, высунул наружу любопытный носишко и от восторга не свалился едва: вдоль крыши—стеклянные кружева!

—Чик!—удивился Сашка и легонько клюнул стекляшку.

—Динь!—ответила она слабенько и уронила капельку.

—Чирик!—засмеялся Сашка и посильнее клюнул стекляшку.

—Дзинь!—ответила она песенкой и закапала весело.

—Чик-чирик!—закричал воробьишка.—Да это же не стекляшка, это ледышка! Роняет зима прощальные слезы. Сосульки кругом. До свиданья, морозы!

И чириканьем громким торопит весну воробушек Сашка, серая рубашка, пестренькая спинка, в клювике смешинка.

А Весна гордой павою выступает. Потихонечку и теплеет, и тает. Прошлогодня травка вылезает наружу, и веселому солнышку улыбаются лужи.

Воробьишка весенней погодой доволен. Размечтался уже:

—Искупаться бы, что ли?

Но в ответ прочирикала мама устало:

—Заболеть тебе только и не хватало! Пригревает, пожалуй, еще слабовато, да и снега, пожалуй, еще многовато, да и ветер сегодня прескверный к тому же...

Оглянуться не успела—а Сашка уже в луже.

—Что же ты, Сашка, так поспешил? Ты всех воробушков насмешил. Смотри, заболешь, глупый мальчишка!

Но звонко чирикает воробьишка:

—Чик-чирик! Чепуха какая! По-моему—здорово припекает!

День прошел, пролетел второй—и что-то нахохлился наш герой. Ни есть, ни пить, ни чирикать не хочет, сидит печальный с утра до ночи воробушек Сашка, серая рубашка, пестренькая спинка, в клювике смешинка.

—Чив! Чив! Чив!—волнуется воробьишкина мама.—

Что делать? Что делать? Не знаю прямо! Придется лететь с тобою в больницу, иначе может беда приключиться!

Ученый Ворон осматривал Сашку долго и выписал рецептов—целую гору. Прокаркал:

—Ср-р-рочно! В гнездо! На пер-р-рину!

Вылечить тр-р-рудно такую ангину! Хор-р-

рошо гор-р-лышко завязать—и в кровать!

И вот потянулись за днями денечки. Деревья давно уж оделись в листочки, в зеленой траве забелели ромашки—но все еще болен воробушек Сашка, серая рубашка, пестренькая спинка, в клювике смешинка.

Поправится он, это каждому ясно, но сколько же дней потеряет напрасно!

Про болтушку

Засыпает город, пыльный и усталый. Шум сбежал куда-то, тишина осталась. Лишь вздохнет печально за окошком ветер. Спи! Пусть сон твой будет радостен и светел!

Голубь Гоша, сизый, хороший, полюбил почему-то белую голубку Анюту.

—Она такая нежная, белоснежная, красные глазки—ну просто из сказки!

Ходит вокруг, вздыхает, мается, а объясниться в любви ну никак не получается—клюв у белой голубки не закрывается. Говорит она, говорит про все на свете: про жаркое солнце, про холодный ветер, про шелест веток, про подружек-соседак, про зеленую травку, про букашку-козявку...

—Голубка Анюта, помолчи хоть минуту! А то все "гур, гур, гур"—болтливая ты чересчур!

Удивилась голубка Анюта слегка, посмотрела на голубка. Видит—Гоша голубь хороший. Хоть особенно нечем гордиться, семью с таким создавать годится. Полетела за ним все выше и выше, залетела за ним под чердачную крышу. Там голуби-сизари гнездились, для Гоши с Анютой они потеснились.

И все хорошо, все ладно бы было, если б Анюта хоть на минуту свой клюв закрыла. Болтает и болтает про все на свете: про жаркое солнце, про холодный ветер, про шелест веток, про подружек-соседак, про зеленую травку, про букашку-козявку...

—Голубка Анюта, помолчи хоть минуту! А то все "гур, гур, гур"—болтливая ты чересчур! Слушать тебя не интересно, все это нам давно известно!

Не дождалась голуби тишины, улетели подальше, под крышу сарая. А Анюта встряхнула перья:

—Подумаешь, важность какая!

Высиживать птенчиков в уголке села, а сама болтает и болтает—что ей еще делать?

Говорит ей Гоша:

—Прошу тебя по-хорошему! Нужно мне слетать покормиться, помолчи, а то может беда приключиться!

Улетел, а Анюта:

—Я так не могу! Расскажу обо всем хотя бы чердачному столбу!

И опять начала про все на свете: про жаркое солнце, про холодный ветер, про шелест веток, про подружек-соседак, про зеленую травку, про букашку-козявку...

...Серая крыса, крыса Кларисса, на чердак прогуляться решила, услышала "гур, гур, гур"—и заспешила. Забралась, ползет к Анюте, а та и рада, ей с кем-нибудь поболтать надо.

—Какая погода сегодня чудесная!

А крыса:

—Как интересно!

—Какое солнышко сегодня ясное!

А крыса:

—Вот и прекрасно!

—Вот только сидеть да сидеть надоело!

А крыса:

—Сейчас тебя съем, раз такое дело!—Бросилась на Анюту, но та в окошко улететь успела.

—Промахнулась! Какая жалость! Зато яички все мне достались!

Вернулся на чердак голубь Гоша, голубь хороший, посмотрел на яичные скорлупки и сказал белой голубке:

—Ты, Анюта, правда, красивая, да чересчур уж болтливая. Язык твой—враг твой. Погибли птенчики—твоя вина. Не нужна мне такая жена!

Полетела Анюта во двор. Кружится, перья распускает, других голубей призывает, но никто с ней дружить не желает. Увидела кота Егора, толстого обжору, подлетела поближе.

—Какая погода чудесная!

Облизнулся Егор:

—Кого я вижу!

—Какое солнышко ясное!

А кот:

—И рядом добыча прекрасная!

—Правда, ветерок прохладный веет.

А кот:

—Ну что же, сейчас я тебя согрею!—Спину выгнул, напряжинил лапы, шерсть дыбом—сейчас Анюту сцапает.

Испугалась голубка, заметалась:

—Ой, ой, ой! Язык мой и вправду враг мой!—рванулась прочь, что было силы, да зубы кошачьи за лапку ее ухватили. Хорошо, что на ужин Егору она не досталась, только лапка всего-то в зубах у него и осталась. Улетела Анюта под крышу сарая, пожалела ее голубиная стая.

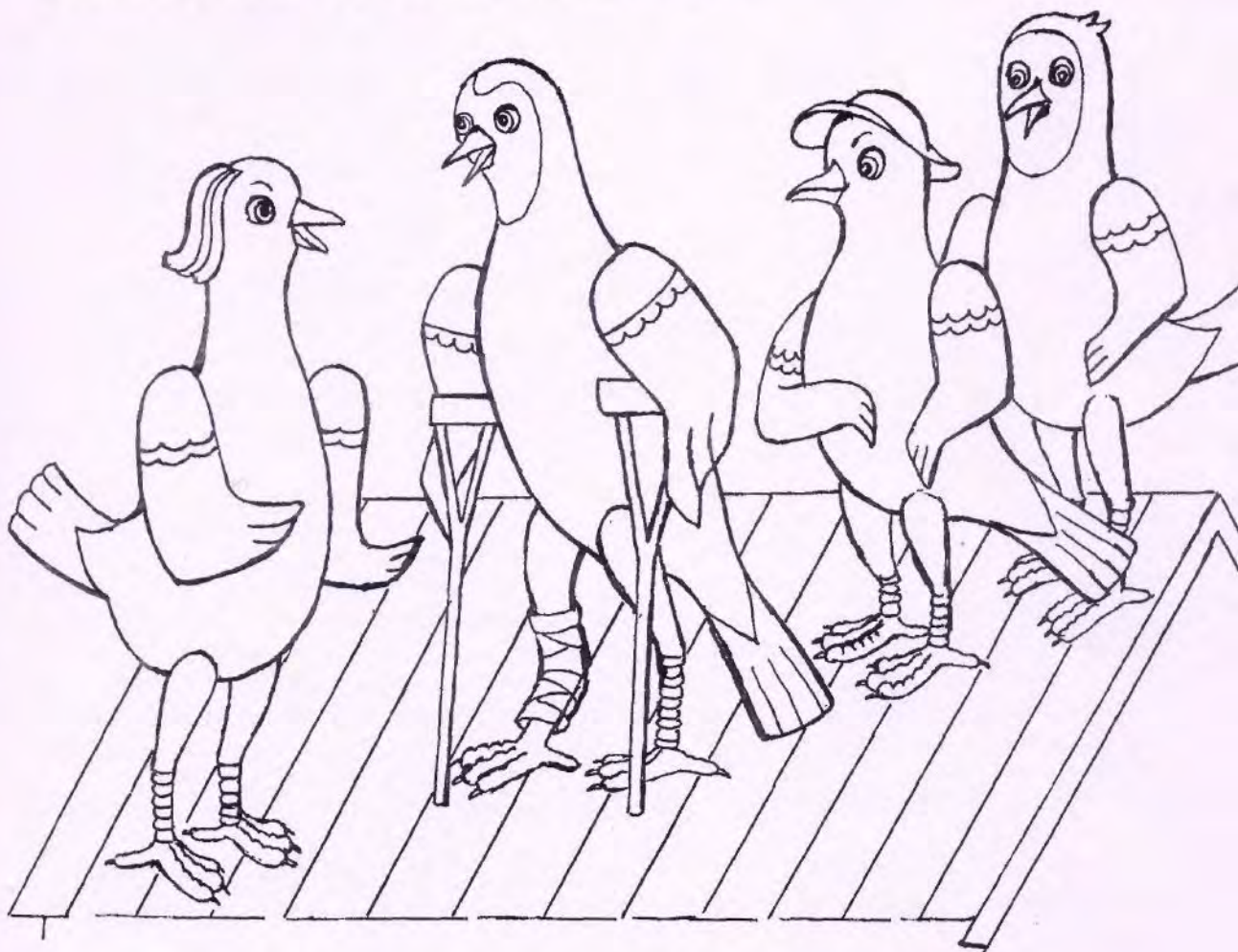
...Дни прошли. Вот уже и совсем как будто поправилась белая голубка Анюта, а во двор спуститься все не может решиться. Наконец решилась, ковыляет вприпрыжку по дорожке на одной ножке. Старая Ворона кричит ей с забора:

—Здравствуй, красавица!

Анюта молчит, только по сторонам озирается.

—Что ты боишься? Я тебя не обижу. Поумнела ты здорово, как я вижу. Правильно.

Помолчишь поболее—проживешь подоле. Вот так-то!

Как девочка Мила счастье добыла

Тихо-тихо сон крадется на кошачьих мягких лапках. Наш щенок забрался в шапку и сопит смешно и сладко. Спи, малышка, засыпай! Баю-бай!

На краю деревушки в небольшой избушке жила-была девочка Мила, которая всех любила: и маму, и папу, и сестренку Тату, и сестренку Сашу, и куколку Дашу. А в избушке-то бывает и холодно, а в избушке-то бывает и голодно. Зима напустила злые морозы, стонут осинки, стонут березы. Сидит у оконца девочка Мила и ждет: сказали—сегодня придет Новый год.

Папа в углу возле елки топочет, мама у печки снует и хлопочет. Тата и Саша готовят игрушки: режут гирлянды, клеят хлопушки. Смотрит в оконце девочка Мила: кажется, даже калитка застыла. Вечер сиреневой лапою машет, тихо снежинки пушистые пляшут, елки нахмурились, а на пригорке маленький Зайчик рыдает горько.

Сердце заныло у девочки Милы—Мила зверушек тоже любила. Накинула шаль, натянула шубенку, в валенки ноги—и прочь из избенки.

—Заинька, милый, прыгай сюда! Какая с тобой приключилась беда?

—Ах, девочка Мила, так чудесно все было! Только, знаешь, ворона Злорада тащит для бабы Яги все, что надо и что не надо. С нашей елки она утащила Звезду—не будет счастья лесному народу в этом году!

Помочь очень хочется маленькой Миле. Да разве такое ей дело под силу? И все ж говорит:

—Не плачь, бывает лихо и злее. Может, я бабу Ягу одолею?

А с черной ели—глаза-фонари:

—Смотри, пропадешь! Пропадешь, смотри!

—Не боюсь я тебя, ворона Злорада! Веди меня, Заинька, куда надо!

...Баба Яга на печи, завернувшись в шубу, стучит одним единственным зубом по другому единственному зубу. Простыла, старая, от боли злеет. И кто ее, непутевую, попалает? А тут—Злорада:

—Бабуся, ужин идет, что надо! Зайчишка-то мал, да девчонка—толстушка. Идут за Звездой. Ну, вставай, поднатужься!

А Баба Яга—охи да охи!

—Звезду не отдам! Пусть и им будет плохо!

Зубами стучит, а с печи не идет, хоть печка—не печка, а форменный лед.

...Девочка Мила дверь отворила. Зашла—и видит: в избушке беда, холодно так, что застыла в ведерке вода.

—Ну-ка, Зайчонок, за хворостом в лес поскорее! Печку растопим, избушку, как надо, согреем! Чайник поставим, оладьи бабуле спечем.

А ворона Злорада:

—Оладушки тут ни при чем. Печку затопишь—зажарит вас Баба Яга.

А старая с печки:

—Ага!

Испугался Зайчик, от страха трясется. А девочка Мила только смеется.

—Не бойся, трусишка, не будет беды. Вкуснее оладушков нету еды!

И чайник кипит, и в избушке жара, а на столе—оладушков большая гора. Баба Яга скинула шубу, с печки за стол—и пир пошел! Напилась, наелась, совсем отогрелась.

—Девочка Мила, иди-ка сюда! Держи—вот тебе Лесная Звезда. В ладошках добрых она загорится, как настоящая Жар-птица. Будет счастлив лесной народ, и к тебе большое счастье придет. Беги, торопись, а ворону Злораду я сама накажу, как надо.

Нет радости большей, чем счастье дарить, для девчонки. С горящей Звездой поднимает девчонка ручонки. На елке лесной загорелась Звезда, как Жар-птица.

...То правда была? Или ей у окошка то снится? Но ночь новогодняя—старая Добрая Фея—ладошки и сердце добром ей навеки согреет. Так пусть же скорее, скорее придет Новый год!

Ногарок

Зимний вечер, словно свечи, звездочки зажег. Зимний ветер, стылый ветер на сугроб прилег. Заглянула ночь с улыбкой в сонное окно. Внучку теплая постелька ждет уже давно. Под щекой ладошка—спи скорее, крошка!

Издали очень, из страны долгой ночи, сударыня Зима прилетела, в белые одежды землю одела. Стало на улице светло и нарядно. Пора! К Новому году готовиться надо! Торопятся мамы и папы, спешат подарки и елки купить малышам.

...В заснеженном парке сугробы повсюду. Там сказки рождается зимнее чудо. Постой и послушай, замри, не дыша—услышишь, как тихо снежинки шуршат.

Чья Мама бредет по дорожке устало и шепчет:

—Как жалко, что денег так мало!

Ни елки в руках у нее, ни подарка. Идет, чуть не плачет: дочурку ей жалко. Ждет Любочка Маму, сидит у окошка—печальные глазки, озябшие ножки.

—Обрадовать дочку попробуй, сумей-ка! Придумать бы что! Посижу на скамейке.

Тут Ветер-проказник задел ее лапой, улегся у ног шаловливой собакой. Шепнул:

—Посиди, подожди, не грусти! Невесело сумку пустую нести. Сегодня в гостях ты у старого парка. Зачем же домой уходить без подарка?

Просыпались музыкой льдистые звоны. По парку летят белоснежные кони. Карета снежинками нежно искрится. Подумала Мама, что это ей снится. Встала карета под елкой лохматой. Вышел старик из нее бородатый, а с ним и красавица в белой шубейке. Смотрят: кто-то сидит на скамейке.

—Ну, Ветер-проказник, испортил нам праздник! Почему не следил, проворонил, в парке сидеть разрешил посторонним?

—Тебе, Дед Мороз, не годится сердиться! Смотри, прилетели веселые птицы, и к танцам деревья готовятся дружно. А женщина? Лучше спроси, что ей нужно? Ведь ты же добрее всех дедов на свете!

Старик засмеялся:

—Ох, хитрый ты, Ветер! Но в сказку попала она. Непорядок!

А с елки—Сорока:

—Помочь бы ей надо! Ну как ей домой без подарка идти? Как сумку пустую дочурке нести?

Снегурочка к Деду Морозу прижалась:

—Ах, жалко! Подарков у нас не осталось! Пустой твой мешок и пустая карета, лишь елка в углу завалилась где-то.

Красавица тихо подходит к скамейке, пушистый клубок достает из шубейки:

—Возьми! Это мой ненаглядный дружок! Пусть станет подарком котенок Снежок! И вот еще елка. Пора тебе в путь. А в сказку дорогу, смотри, позабуди!

Рассыпались музыкой льдистые звоны. Исчезли карета и белые кони. Метелью над парком балуется Ветер. Но парк и в метель и наряден, и светел.

... Ждет Любочка Маму, сидит у окошка - печальные глазки, озябшие ножки. Вдруг дверь отворилась—зеленое диво!

—Ой, мамочка, елка! Как будет красиво!

Из сумки у Мамы—какой-то прыжок.

—А это подарок. Котенок Снежок, пушистый и белый. Дружи с ним, Любаша! Затопим-ка печку, наварим вам каши! И елку поставим в углу у окошка. Из тряпочек сделаем елке сережки. Пусть праздник и к нам этой ночью придет—счастливый и радостный Новый год!

—Ой, Мама, смотри—на окне серебристые розы!

—А это подарок тебе от Деда Мороза!

А зима—она какая?

Снег на горке на дворе—то-то радость детворе! Санки с звездика достали, чтоб они у двери спали. Завтра, только солнце встанет, Саша быстренько достанет шубку, шапку, валенки для сестренки маленькой. А сейчас быстрее спать—сказку новую читать.

Ежонок Прошка, короткие ножки, на ножках сапожки, колючее пальтишко—был очень любопытный мальчишка. Не давал маме Ежихе покоя:

—А зачем? А почему? А что это такое?

Бедная мама замучилась прямо.

Отжурчала весна. Отрумянилось лето. Вот и осень явилась, дождями одета.

—Ну,—думает Ежиха,—скоро отдохну. Заляжем спать—и кончится игра в вопросы и ответы. За долгую зиму вырастет Прошка и поумнеет, сам во всем разобраться сумеет.

Под старый пенёк натаскала листьев охапку—будет сон и крепким, и сладким.

—Ну-ка, Прошка, мамина крошка, устраивайся, хватит крутиться!

Только ежонку ну никак не ложится.

—Мама, а что такое зима?

—Спи, сыночек! Этого я не знаю сама.

Решает Прошка:

—Посплю немножко, а потом выйду наружу, узнаю: зима—она какая?

...Над лесом запели, завывали метели, холодную шубу на землю надели, накинули белые шали на ели. Пригнали с холодного севера стужу.

Проснулся ежонок и вылез наружу. Не верит глазам: красотища какая! Вокруг все искрится. Вокруг все сверкает. Так здорово, глаз отвести невозможно. Увидел Ворону.

—Тетенька, это зима?—спрашивает осторожно.

—Зима, зима!—проворчала Ворона.—Забирайся в нору и спи, глупый ежонок!

Но упрямый Прошка побежал по дорожке.

—Посмотрю, побегаю совсем немножко!

Бежит и чувствует—замерзают ножки. А тут, как на грех, навстречу Лисица.

—Ах, маленький, что же тебе не спится? Видно, жизнь тебе, чудяку, надоела. Тобой закусить я бы очень хотела!

Хочет Прошка завернуться в колючее пальтишко и не может—замерз уж слишком. А Лиса все ближе и ближе подходит. Помчался ежонок, не разбирая дороги, выскочил к небольшому пригорку и провалился в кротовью норку.

—Спаси меня, Крот! Чуть не съела меня Лисица!

А Крот ему:

—В норы чужие влезать не годится! Гостей не люблю. Ступай-ка своей дорогой. Ну, ладно, погрейся, но только пшеницу мою не трогай!

Поспать бы ежонку, но мрачно здесь и одиноко. Нет листиков мягких, нет мамы Ежихи под боком. Чуть-чуть отдохнул и согрелся совсем немножко—выскочил из кротовьей норы маленький Прошка и испугался: в лесу тишина, ни звука, и прямо на него летят лохматые белые мухи. Повсюду они, куда ни взгляни—как их много! Они заматают кусты, и пенёчки, и дорогу.

Бредет бедный Прошка, еле передвигает ножки, выбивается из последних сил: на спине сугроб, снег глаза залепил. В конце концов в снежный ком превратился, до медвежьей берлоги докатился. Подкатился под бок спящему медвежонку Феде, пригрелся, уснул. Хорошо у медведей!

Да только Федя ворочаться начал. Колется что-то, вот незадача!

—Мама,—захныкал,—откуда колючки? Спать не дают, посмотри-ка получше!

Медведица заворчала спросонок. Села. Пошарила лапой.

—Да это ежонок! И что к нам залез? Удивительно прямо!

Прошка заплакал:

—Хочу домой! Хочу к маме!

—И откуда ты взялся в зимнем лесу? Ладно, так и быть, домой я тебя отнесу!

...Спит с мамой Прошка, короткие ножки, на ножках сапожки, колючее пальтишко, забавный мальчишка. Знает теперь, что такое зима: это когда всем ежикам спать положено!

Про «одуванчики»

Солнце по небу бежало, солнце лучики теряло. Там, где лучик упадет—травка новая взойдет. Словно солнечные зайчики, зажелтеют одуванчики.

Девочка Мила погулять решила. Вышла во двор, а там—золотой ковер. К цветочку цветочек—получился веночек. На русую головку надела ловко.

—Бабушка, посмотри, я вся в цветочках!

—Ну ты прямо солнышкина дочка!

Но незаметно пролетели недели - и одуванчики поседели. Забелели они на горушке, словно маленькие старушки. Девочка Мила очень огорчилась. Стоит, чуть не плачет:

—Злая волшебница заколдовала их, значит!

А на елке старая ворона Лукерья чистила перья, прокаркала:

—Подари, девчонка, мне свой поясок, отведу я тебя в ближний лесок, познакомлю с Лесовухой, древнею-древнею лесною старухой. Уж она-то про все на свете знает, что и отчего бывает. Не бойся, иди за мною в лесок, только отдай мне свой поясок!

Девочка Мила сняла поясок, подпрыгнула весело, на елку его повесила. Ничего бабушке не сказала, одуванчик на всякий случай сорвала и за вороной Лукерьей вслед побежала.

Завела ее Лукерья в чащу дремучую на беду неминуемую. Привела к избушке на курьих ножках об одном окошке. Прокаркала:

—Или тебе, глупой, жизнь не дорога, или не знаешь ты, что Старуха Лесовуха—это Баба Яга. А сегодня у старой большой юбилей—триста лет исполняется ей. Не могла я придумать, что бы подарить такое. Да вот тебя, глупую, привела на жаркое.

Хотела Мила бежать прочь—да невмочь. А тут еще высунулась из избушки длинная костлявая рука, ее схватила, в избушку втащила.

—Ага!—сказала Баба Яга.—Посиди тут пока. Надо мне баньку истопить да тебя хорошенько помыть. А то что же это за жаркое, чумазое такое?

Ушла Яга. Мила выглянула в окошко, хотела бросить одуванчик на дорожку, да вдруг проказник-ветерок дунул на цветок—маленькие парашютики полетели, как птицы, прямо к терему Лесной Царицы.

Лесная Царица, Красная Девица, быстро собралась, до Бабы Яги добралась. Видит: в избушке девчонка плачет.

—Опять старуха задурила, значит!

Вернулась Яга, замерла у порога. А Лесная Царица ей:

—Девчонку не трогай! Я на твой возраст не погляжу, заслужила—сурово тебя накажу! Взмолилась старая:

—Прости! Пожалей! Сегодня большой у меня юбилей. Лето, Зима, Весна и Осень придут ко мне сегодня в гости. Чем угощать их—не знаю прямо!

—Ну уж едва ли жаркое из ребенка будут есть эти дамы! Девчонка несчастная тут ни при чем. Сейчас соберемся—и торт испечем!

Обратилась к Миле Лесная Царица:

—Придется, дитя, и тебе потрудиться! Поручаю тебе такое дело: собери триста одуванчиков, желтых, как солнышко, еще не поседелых. Принеси их сюда, в уголочке сядишь, тихо-тихо сиди, словно мышь. Станет Баба Яга задувать на торте свечки, ты загадывай желание, не мешкай. Загадать успеешь его, баловница,—сможешь дома сразу же очутиться.

...Торт готов. Он огромный, красивый и сладкий. На столе одуванчиков желтых охапка. Наконец-то пришли долгожданные гости. Всех к столу Лесная Царица просит. Поздравления Баба Яга принимает, всех целует, всех обнимает.

Толстушка Зима села с холодильником рядом, радуется всем белоснежным нарядам. В стаканчики положенное, поставила на стол мороженое.

Золотая Осень отведать наливных яблочек да спелых ягод просит.

Весна-красна в сарафане зеленом взяла одуванчики с поклоном, каждый цветок в торт воткнула ловко, они ожили, подняли головки. Загорелись они, как свечи, триста свечей торжественно светят.

Загадала желание Баба Яга, дует, дует на торт—все напрасно. Одуванчики никак не гаснут. Улыбнулась красавица Лето, в разноцветное платье одета, пшеничная коса ниже пояса, наклонилась, горячей ладошкой каждый цветочек задела—вмиг одуванчики поседели. Дует Баба Яга изо всей силы—летят парашютики.

—Домой! Домой хочу!—прошептала Мила.

Глядь—а вот он, дом, и бабушка родная смотрит в окошко.

—Иди, внученька, домой! Что-то ты загулялась немножко.

—Бабушка! А почему одуванчики стали обдуванчики?

—Это семена у них поспели. Надо, чтобы маленькие парашютики как можно дальше по ветру летели. Где такой парашютик упадет—весною новый одуванчик взойдет. Ну, а что седина? Хороша и она! Не стоит грустить понапрасну—бесконечна жизнь, поверь, и прекрасна!

Про чудесную птицу, которая зимы не боится

Спят ручонки, спят ножонки, но не спит моя девчонка. Вьюга воет за окошком—страшновато ей немножко. Рядом бабушка с тобой. Спи, глазочек! Спи, другой!

Матушка Зима, белолица толстушка, сидела под елью на лесной опушке грустная-прегрустная.

—До чего же жизнь моя скучная! Не любят меня птицы, не любят меня звери, никто в мою доброту не верит. Улетают, прячутся в берлоги и норы, а те, что останутся, спрашивают без конца: "А Весна придет скоро?" И всего-то две у меня подруги—печальница Метель да разбойница Вьюга. А мне бы хотелось иметь веселого друга!—Снежинку смахнет, вздохнет, бедняжка—снег с елки слетит и ухнет на землю тяжко. Услыхала ее жалобы Лесная Царица, Красная Девница. Подошла, поздоровалась.

—Здравствуй, матушка! Так говорить не годится! Подарю я тебе чудесную птицу, которая ни мороза, ни снега не побоится.—Сняла с рук красные пуховые рукавички, подула на них—это уже не рукавички, а красавицы-птички.

Поднялась Матушка Зима, расправила серебром блеснувшую шубу:

—Твоей доброты, Лесная Царица, я никогда не забуду!—Протянула ладони.—Скажи, как зовут эту птичку?

—Это Клест*.

—А почему у нее клювик наперехлест?

—Чтобы этим клювиком доставать семена из шишек, кормить своих детишек. Будут они любить тебя, не сомневайся нисколько, посади их только на самую шишкастую елку!

Зиме поклонилась Лесная Царица, Красная Девница.

—Прощай! Надо мне по делам торопиться! Немало в лесу у меня работы. Клестов береги!—и исчезла за поворотом.

В заснеженный лес убегают тропинки, и прячутся в чаще пеньки-сиротинки, и в шали из снежного белого пуха укутались зябкие ели-старухи. Лесной тишине доверяя не слишком, куда-то в испуге проскачет зайчишка, иль рыжим пятном просигналит Лисица, иль Волк за добычей угрюмо промчится, иль с ветки вспорхнет одинокая птица.

А с елки высокой, шишкастой, пушистой—веселые трели, веселые свисты.

—Тик-тик-тик-тик!—мелькают меж веток две красногрудые птички, строят гнездо для деток. Затрещала Сорока:

—Что, что, что такое? Кто же выводит птенцов зимою? Видно вы горя себе захотели. Погубят малюток морозы, метели!

Но клесты трудятся, не унывают.

—Тик-тик-тик!—весело распевают. Лазают по веточкам, качаются, то лапками, то клювиками цепляются. Такие толстенькие, неуклюжие, а главное—удивительно похожие на попугайчиков эти птички забавные.

Придет Матушка Зима, полюбуется, послушает их песенку—и на душе у нее станет весело, и настроение лучше, и солнышко выглянет из-за тучи.

Однажды в гнезде среди заснеженных веток вывели-таки клесты маленьких деток.

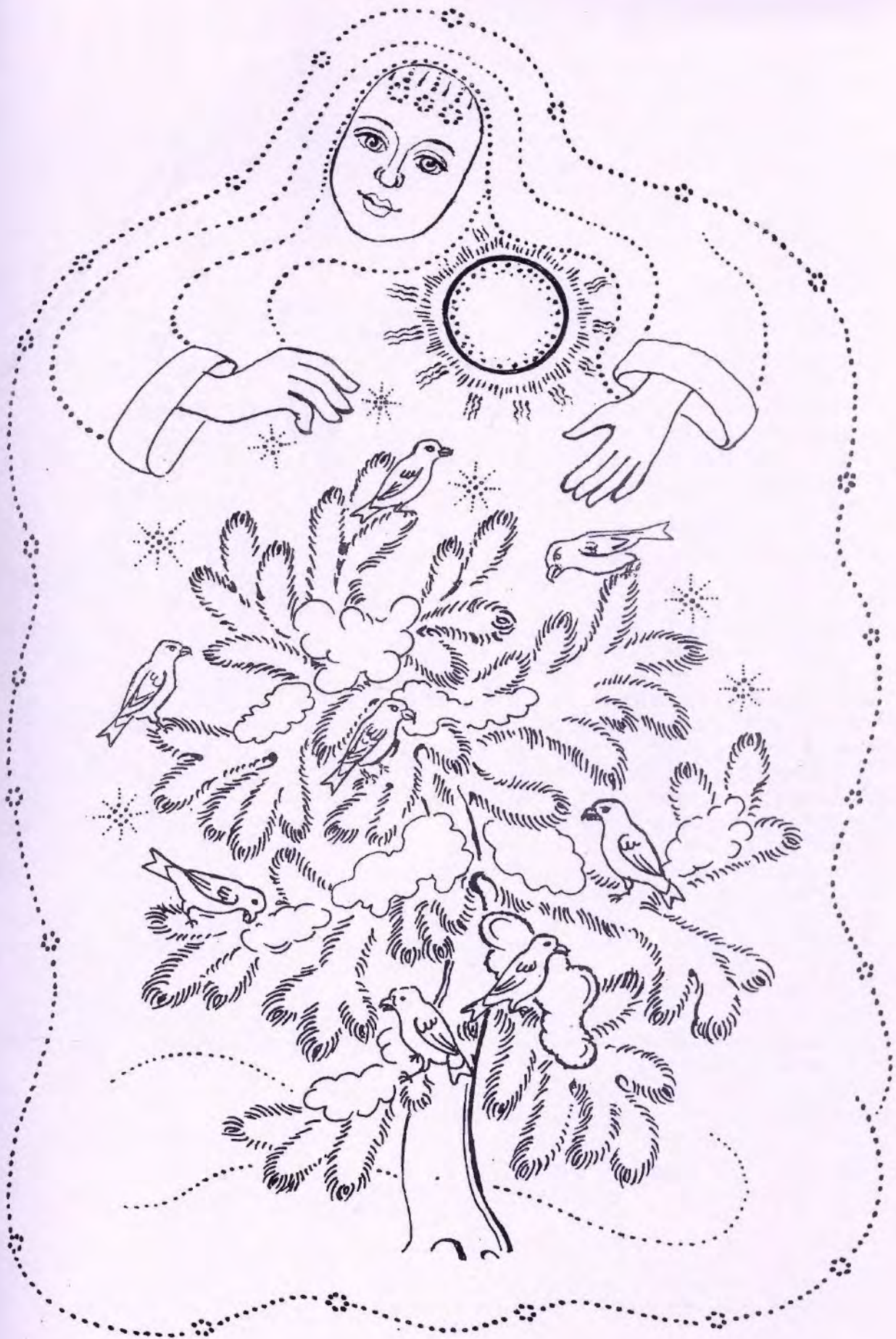
А две подруги—Метель да Вьюга—дуются, злятся.

—Пора нам до этих птиц добраться! Матушке Зиме не нужны мы стали, не хочется ей ни тоски, ни печали. Исчезнут клесты—и все станет, как прежде. Пора обновить земле наряд ее белоснежный!

Поднялась Метель, полетела, запуржила, миллионы снежинок закружила, сыплет и сыплет их из развернутой шали. День сыплет, другой.

—Ну,—решила,—из такого сугроба клесты выберутся едва ли! Упаковала я их в снежный гроб!

А клесты спокойненько раскапывают сугроб да шелушат себе шишки. Есть просят детишки.

Вздохнула Метель, свернула снежную шаль с досадой.

—Видно тебе, Вьюга, братья за дело надо!

Завыла Вьюга, загудела Вьюга, застонали деревья, наклоняясь друг к другу. Не видно стало, где земля, где небо, хлещет ветер колючим снегом. От этого ужаса, от этого воя в лесу попряталось все живое.

Проснулась Матушка Зима в своей избушке, забеспокоилась.

—Как там мои пичужки? Что-то уж сильно разбуянилась Вьюга.—Ударила посохом оземь.—Ну-ка, явись ко мне, подруга! Что ты в моем лесу наделала, наломала?

А та ей в ответ:

—Я веток поломанных не считала!

С упреком Зима на нее поглядела. Встала. Свою серебристую шубу надела и отправилась в лес. Дошла до заветной елки—и обомлела: сидят клесты, прижавшись друг к другу, несчастные до последнего перышка. Ни гнезда, ни клестят—унесла их Вьюга-разбойница.

Бросилась Матушка Зима искать клестовых деток, да не больно-то разбежишься среди сугробов и поломанных веток. Добрела кое-как до домика Лесной Царицы.

—Помоги, пожалуйста!—в дверь к ней с надеждой стучится.

Лесная Царица, Красная Девица, вышла на крылечко резное.

—Матушка Зима, что приключилось с тобою?—Притопнула валенком, забрались на нее собольки, прижались друг к другу, одели Лесную Царицу в соболью шубу.

—Ах,—вздыхает Зима,—пропали клестята. Вьюга-разбойница вместе с гнездом унесла их куда-то. Без родителей погибнут, малы еще очень. Кто же их покормить-то захочет?

Хлопнула в ладони Лесная Царица:

—Собирайтесь, звери! Собирайтесь, птицы! Бегите, летите, найдите, спасти малышей помогите!

—А чего искать-то?—проворчала Ворона сердито.—Там, за речкой, есть лесочек забытый. Я непогоду там пережидала и удивилась ужасно, когда увидела: зашвырнула Вьюга гнездо с птенцами в кусты. Думаю, это ваши маленькие клесты.

Торопится Матушка Зима, беспокоится очень. Скорее, скорее в заречный лесочек! А Лесная Царица идет осторожно и тихо, несет в руках клеста и клестиху.

Вот и кусты под огромной елью. Вот и гнездо, но птенцов в нем нет.

—Неужели их съели?

Тут сверху упала еловая шишка. Смотрит Лесная Царица—на елке клестишка. И еще один, и еще—нашлись детишки! Удивляется Матушка Зима:

—Им всего-то от роду дней двадцать, а они уже сумели на крыло подняться и сами пытаются расклевывать шишки. Просто замечательные малышки! А Метель и Вьюгу я прогону из леса, таким злодейкам в лесу не место!

Лесная Царица, Красная Девица, посадила на елку клеста и клестиху, Зиме говорит:

—Довольно сердиться! Метель и Вьюгу прости, ведь лесу нужны и снег, и ветер, ничего не бывает напрасным на свете. На них ты всегда найдешь управу. А клестам не страшны их злые забавы.¹

Живет в наших лесах славная птичка клёст, клювик наперехлест. "Тик-тик-тик!"—распевает, по веткам порхает на радость Зиме, тебе и мне!

¹ Клёст-еловик прославился своим искривленным клювом, концы которого перекрещиваются, и способностью выводить птенцов среди зимы, в лютые морозы. Питается в основном семенами ели и сосны.

Про лютую стужу и волшебную лужу

Ночь подкралась под окно в мягких снежных валенках. Спать пора уже давно шалунишке маленькой. В доброй сказочной стране хорошо тебе и мне. Закрывай же глазки да послушай сказку.

Отгорела осень багрянцем и золотом. Потянуло с севера леденящим холодом. Явилась гостья незваная—Стужа Лютая, в серебристый иней одетая, в ледяные сапожки обутая.

—Ох, и позабавлюсь,—радуется Стужа,—вон какие замечательные лужи!—Ледяным сапожком ступит в воду—вот тебе и зеркало, а по краям, как кружева, ледяные разводы. Серебром украсила траву и дорожки.

—Надо бы и на деревья кинуть иней понемножку. Солнце взойдет—все заискрится, засверкает. Скажут: "Ах, Стужа, рукодельница она какая!"

Проснулась Малышка, подошла к окошку.

—Мама, посмотри, серебряные деревья, и трава, и дорожки! Гулять хочу!

—Ты торопишься слишком. Нужно умыться, одеться, покушать, Малышка!

Быстро-пребыстро девчонка оделась, умылась, причесалась, в зеркало погляделась. Скушала без капризов манную кашку.

—Мамочка, идем же скорее!—состроила уморительную просительную мордашку.

Засмеялась Мама:

—Ишь ты, умница сегодня какая! Ну что ж, давай, пойдем, погуляем!

Щелк! Щелк! Щелк! Щелкают на лужах льдинки. Топочут по ним малышкины теплые ботинки. Ура! На мелкие кусочки разлетаются зеркала. Иней в ладошку девчонка собирает—он тает.

—Пойдем, Малышка, домой пора! Стужа какая! Холодно очень!

Но домой уходить совсем не хочется дочке. Разгорелись глазки, разругались щечки.

—Мамочка, ну еще немножко, хоть самую чуточку! Ну хотя бы одну минуточку! Подумаешь, Стужа! Она мне нравится, она красивая слишком.

—Ох, глупенькая ты еще у меня, Малышка!

День проходит, и другой, и третий. Стужа такая—кажется, застыло все на свете. Стонут, потрескивая, деревья:

—Где ты, Зима? Приходи поскорее! Укрой нас нежною шалью снежной! Мы каждой веточкой заледенели!

А однажды утром вышла из дома Малышка и нашла у крылечка замерзшего воробышку. Взяла в ладошки, дышит на него, отогревает, а воробышка не оживает. Заплакала девочка:

—Стужа, ты злая очень! Почему же никто прогнать тебя не хочет?

Из-за дерева вышла маленькая старушонка.

—Хочешь стужу прогнать? А не побоишься, девчонка? Тайну я, так и быть, для тебя открою, только ты оставайся все время доброй такою. Слушай: там, за домом, лесок, в нем есть пруд, ты, наверное, знаешь. Ты частенько, Малышка, там с Мамой гуляешь. Пруд застыл, а вокруг застывшие лужи. Отыскать тебе лужу круглую, как солнышко, нужно. Разбей в ней на мелкие-мелкие кусочки гед—и Стужа уйдет. Да только учти, она будет мешать тебе, как сможет. Ножонки, ручонки, носишко твой заморозит. Ты ж думай о тех, кому хуже, забудь о себе! Огонь доброты—он поможет в дороге тебе!

Сказала все это старушка—и сразу пропала. Малышка знакомой дорожкой в лесок побежала.

А Стужа-то сердится, Стужа-то злится! А вдруг да прогонят ее, боится.

—Дружок мой любезный, Северный Ветер! Примчись поскорее в воздушной карете! Сорви с девчонки ее шапчонку! Пальто распахни, я добраться сумею до самого сердца рукою своею. Рукой ледяною ее заморожу, коль ты мне, дружок мой любезный, поможешь!

И с севера Ветер студеный примчался и вмиг под пальтишко к Малышке забрался. Застыли ручонки, застыли ножонки, шапчонка куда-то слетела с девчонки. Малышка уже добралась до пруда.

—Ой, луж-то тут сколько, ну просто беда!

А Ветер старается, аж завывает, с деревьев звенящие ветки срывает. Озябшие птички застыли, как свечки. Горит добротой Малышки сердечко.

—Бедняжки! Я вам помогу, подождите! Не падайте только, на ветках сидите! Ура! Наконец-то! Вот круглая лужа. Сейчас прогоню я противную Стужу!

Но только над лужей поднялась ножонка, Малышка увидела там лягушонка. Заснул и застыл он—стеклянная брошка. Разбить ее разве поднимется ножка?

На землю в слезах опустилась Малышка.

—Что делать, не знаю. Замерзла я слишком.—Сидит, на щеках замерзают слезинки.—Зима, приходи!

Закружились снежинки. И ветер утих. Тишина-то какая! Все гуще и гуще снежинки мелькают. Подходит к ней женщина в белом уборе.

—Что плачешь, дитя? Что случилось с тобою? Меня ты позвала, мой милый дружок. К тебе я пришла. Ну, чего же ты хочешь?

—Хотела разбить я волшебную лужу, хотела прогнать я противную Стужу. Послушай, как стонут деревья от боли! А птички на ветках—не больно им, что ли? Да только в той луже—стеклянная брошка: застыл в ней навек лягушоночек-крошка!..

Заплакала горько. Зима ей сказала:

—Не плачь, я укурю его покрывалом, всю землю укурю—пушистым и нежным. Деревья одену в наряд белоснежный. Поверь, и Зима не бывает без Стужи. Зачем разбивать нам волшебную лужу? Весеннее теплое время настанет—и твой лягушоночек в луже оттает и к маме-лягушке отправится в пруд. Чу! Кто-то идет! Заболталась я тут! Сверкнула Зима серебристой одеждой, махнула рукой—и в лесочке исчезла.

И слышит Малышка: "Дочурка, ау! Куда она делась, никак не пойму!"

Увидела Мама сугроб возле лужи.

—Неужто там дочка? В такую-то стужу! Застыла кровиночка, плохи дела!

—Но, Мама! Зато я Зиму привела!

В материнском сердце

Плачет осень золотом, дышит осень холодом. Нагоняет тучи серый ветер злючий. Грустно плачут крыши. Дождь стучится, слышишь? Не грусти, не надо—сказка где-то рядом.

Зоренька Красная, Зоренька Ясная окно распахнула, в сонный лес заглянула. Проснулись и букашки, и мошки, и птички, и мышки-крошки, под кустом—серый зайчишка, в берлоге—косматый мишка. Задумчивый лес проснулся, листвой золотой потянулся. И замелькали от кочки к кочке, от кусточка к кусточку по лесу разноцветные платочки—грибники заполняют корзинки и кузовочки. Наполнился лес разговором и смехом. Проснулось сердитое Старое Эхо.

—Эх,—заворчало,—и что им не спится? Что им в деревне своей не сидится?

А под громадной елью в плетеной корзинке сопит носиком девочка-сиротинка.

Заглянула под ель Наталья-певунья, веселая хлопотунья, заглянула—и ахнула:

—Ну и дела! Какая же мать бессердечная тебя сюда принесла? Что поделаешь, придется забрать тебя из леса, а то пропадешь, пропадешь ведь, известно!

...Растет у Натальи доченька Ксюша, гостя нежданная, дорогуша, растет потихонечку, подрастает, но мамой Наталью не называет. Растет и день ото дня хорошеет, но что-то творится неладное с нею.

Ей нравится видеть разорванный мячик, ей нравится, если подруга заплачет. Ей нравится, если старушка споткнется. Она не поможет. Она засмеется.

Не нравится это певунье Наталье.

—Ты не ребенок, а наказание! Старость убога? И что из того? Сказано Господом: "Возлюби ближнего своего!"

Только Ксюша не желает слушать.

—Посмеялась—подумаешь, важность какая! Что значит любить, я не понимаю!

Вышла во двор, распевая звонко, ногой раздавила живого цыпленка.

—Остановись! Что ты делаешь, дочка!

—Отвяжись! Раздавила—и точка!

—Девочка, милая, опомнись, послушай! Всякое дыхание да хвалит Господа, Ксюша!

А та отвечает через плечо:

—Пусть себе хвалит. А я тут причем?

... По дому Наталья печальная бродит, покоя и места себе не находит. Она не поет, только горько вздыхает:

—Откуда в девчонке жестокость такая?

И видит, как к дому идет по дорожке седой старичок невысокого роста. Поранился, видно, идет и хромает, а Ксюша с цепи Перехвата спускает. Огромная псина с оскаленной пастью несется. Ох, видно случится несчастье!

Но чудо-чудесное происходит: старик ей навстречу спокойно выходит. Простая улыбка и ласковый взгляд—и лижет ладони ему Перехват.

Наталья проворно с крылечка сбежала, из кучи большой хворостину достала.

—Ну, хватит! Сегодня получишь ты, Ксюша!

Но Странник сказал ей:

—Наталья, послушай! Поглубже девчонке в глаза загляни! Неужто не видишь? Пустые они! Она пожалеть, полюбить не сумеет, ведь сердца девчонка в груди не имеет. Сама посуди—то ее ли вина? Такая уж, видно, ей доля дана!

Наталья без сил на скамью опустилась. И Ксюша у ног ее примостилась. И Странник подсел к ним и за руки взял.

—Молитесь Всевышнему!—тихо сказал.—Ему все возможно, Ему все подвластно. Вы с волею Божьей должны быть согласны. Готова ты сердце ребенку отдать?

—Готова!—сказала Наталья.—Я—мать!

Молитва святая в тиши зазвучала. К груди своей Ксюшу Наталья прижала, на дочь

свою ласково поглядела.

А та ей:

—Ой, что-то в груди заболело! И больно, и сладостно мне почему-то, и радостно как-то, и капельку жутко!

В ответ улыбнулась Наталья, слабя.

—Я счастлива, доченька, болью твоею! Давай попрощаемся! Счастлива будь и маму Наталью свою не забудь!

И тут закричала, забилась девчонка и сжала в отчаянии кулачки, заплакала горько впервые навзрыд:

—Ой, мамочка, мама, как сердце болит! Не умирай, пожалуйста, не надо, молю! Я тебя очень жалею! Ты слышишь, мамочка, я тебя люблю!

—Без сердца, дочурка, я жить не сумею!

...Ходит по белу свету странница Ксения, даря с Божьей помощью страждущим исцеление. Коль встретишь ее, обязательно остановись и низко-низко в ноги ей поклонись!

Содержание

Луговая сказка	3
Как Дедушка Мороз заболел	5
Про ящик говорящий	7
Почему Вьюга плачет	10
Про шмеленка Шуру	11
Про Звездочку	12
Про улитку Улю	14
Почему у бабушки Ёшки избушка на курьих ножках	15
Грибок	17
Почему у ослика длинные уши	18
Про Чомгу	20
Про Никитушку-лапочку	22
Про китишку-торопыжку	24
Шлёп	26
Про бедную овечку	28
Про шуршиков	30
Про хрюшку Марфушку	32
Как енот Ефим ворона проучил	34
Про вкусненькое	36
Про скворушку Егорушку	38
Про ворчунушку	40
Как воробушек Сашка ангиной болел	42
Про болтунишку	43
Как девочка Мила счастье добыла	45
Подарок	46
А зима—она какая?	48
Про «обдуванчики»	50
Про чудесную птицу, которая зимы не боится	52
Про лютую стужу и волшебную лужу	55
О материнском сердце	57

ПЕЛИКАН

Литературно-художественный альманах, № 10
(специальный выпуск)

Учредитель: Редакция газеты "Инвалид". Альманах
зарегистрирован Западно-Сибирским региональным
управлением регистрации и контроля за соблюдением
законодательства РФ в области печати и СМИ Роскомпечати
РФ 5 января 1997 года.

Свидетельство о регистрации № Г-01115

Художник Альбертина Фомченко.

Редактор З. Черновол.
Компьютерный набор и верстка, дизайн Э. Бабаевой.

Адрес редакции: 654000, г.
Новокузнецк, почтамт, а/я 7120
Телефон (факс)—(8 384 3) 45-68-42

Отпечатано в ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат».
Ул. Орджоникидзе, 11. Заказ № 3042

Все печатные материалы охраняются авторским правом.
Перепечатка, размножение фотомеханическим или другим
аналогичным способом и частичное
использование материалов разрешается только с соглашения
издателя.

Тираж 1000 экз.

